

Вера  
КРЫЖАНОВСКАЯ

*Сочинения*



Маги

Вера Крыжановская-Рочестер  
**Законодатели**

«Public Domain»

1916

## **Крыжановская-Рочестер В. И.**

Законодатели / В. И. Крыжановская-Рочестер — «Public Domain», 1916 — (Маги)

Роман «Законодатели» – финал остросюжетных мистических приключений героев оккультной серии В.И. Крыжановской. В нём писательница предлагает читателю свою версию заселения планет, появления Законов и Божественных династий.

# Содержание

Часть первая	5
Глава первая	5
Глава вторая	12
Глава третья	23
Глава четвертая	35
Конец ознакомительного фрагмента.	41

# Вера Ивановна Крыжановская

## Законодатели

### Часть первая

#### Глава первая

Солнце садилось, заливая багряными лучами громадную равнину, обрамленную с одной стороны темной стеной лесов, а с другой – цепью гор, также одетых лесом. Трава, густая и высокая, покрывала равнину, на которой разбросаны были кое-где кучки деревьев с громадными стволами и могучей листвой, образовавшей почти непроницаемый купол.

Огромных размеров и причудливого вида животные либо резвились, либо лениво растянувшись на траве, грелись на солнце. Длинные, гибкие тела их оканчивались хвостом, как у дракона; две пары коротких и толстых ног служили им для передвижения по земле, а огромные крылья, наподобие орлиных, давали возможность подниматься в воздух; узкая, с большими умными глазами голова походила на конскую. Животные эти были или совершенно черные, как вороново крыло, или серебристо-белые, как снег или золотисто-гнедые с зеленоватым отливом.

Неподалеку от этого особенного стада, под густой зеленью деревьев собралась многочисленная группа мужчин исполинского роста. Звериные шкуры, прикрывавшие бедра медно-красных тел, служили единственным их одеянием. Жесткие черные и лохматые волосы спускались до плеч, а грубые лица с выдающимися скулами были без бород. Вооружены они были сучковатыми толстыми дубинами и короткими каменными топорами, заткнутыми за пояс; на руке каждого была намотана длинная веревка, снабженная на конце камнем. Расположившись на пнях и траве, они разговаривали, и их гортанные голоса разносились далеко. То были, по-видимому, пастухи.

Внезапно один из мужчин встал с места и указал рукой на кучку женщин, которых можно было распознать по длинным волосам и выступавшим округлостям груди; те вышли из ближайшего леса и проворно приближались к пастухам. Как и у мужчин, единственным одеянием им служил передник из плетеного тростника. В корзинах самого первобытного вида и на циновках женщины несли пастухам обед. Тут были плоды, различные корни и сырая рыба, а в берестяных чашках какая-то желтоватая и очень пахучая жидкость.

Поставив еду у ног мужчин, женщины пали перед ними ниц, а затем тотчас же поднялись и стали что-то оживленно рассказывать, чем возбудили волнение среди пастухов.

– Пещерный человек созывает нас! Для чего? – с удивлением спросил один из мужчин.

– Одних нас созывает он или и прочих пастухов? – полюбопытствовал другой.

– Посланный сказал, что гонцы отправились в долины и леса. Собраться же на равнине священного камня должны лишь старейшины и те, кого он особо указал, – ответила одна из женщин.

Наскоро поев, все пустились в путь.

После довольно длинного пути толпа вышла на обширную лужайку, окруженную исполинскими деревьями; громадные стволы этих великанов были пусты и служили жильем для первобытных людей.

Своеобразные и круглые логовища эти утланы были звериными шкурами; тут же виднелась домашняя, выделанная из коры утварь и съестные запасы. Женщины хлопотали по хозяйству, а совершенно нагие дети весело резвились на воздухе. Таких жилых деревьев была по крайней мере сотня.

Среди жителей также заметно было волнение; сойдясь в кучки, они шумно обсуждали что-то, и вновь прибывшие тотчас приняли участие в разговоре.

Затем из толпы отделились человек пятьдесят мужчин и женщин и направились по тропинке, которая вела в чашу леса.

Шли они довольно долго и вышли на обширную долину, обрамленную с одной стороны лесом, а с другой – остроконечными скалами, изборозженными бесчисленными расщелинами.

Посреди площадки, на пригорке, стоял огромный кубический камень, а на нем возвышался другой, конической формы, напоминавший маленький обелиск. Этот черный базальтовый конус был полирован и блестел, а вокруг него навалена была зелень и смолистые ветви.

Местность была полна народа. Мужчины и женщины сплошной толпой теснились у подножия пригорка, и красный дымный свет факелов багровым заревом озарял это странное сборище.

Вдруг толпа заволновалась, стала тесниться, образовав проход, и раздался шепот:

– Пещерный человек!... Пещерный человек!...

Через образовавшийся в толпе проход медленно шел человек довольно странного вида. Он был исполинского роста и худ, как скелет. Продолговатое костлявое лицо с толстыми губами, плоским носом и низким лбом было бледно и отливало синевой, словно кровь под кожей текла не красная, а синяя. Глаза его глубоко сидели в орбитах и были удивительно широко расставлены; но более всего поражало существование у него третьего глаза, находившегося на затылке, почти совершенно безволосом. На нем была короткая туника, сшитая из звериной шкуры необычайной величины руки и ноги были голы.

При виде его собравшиеся пали на колени, бия лбом о землю. Отвечая на приветствие легким наклоном головы, человек этот направился к пригорку, взошел наверх, семь раз обошел камень вокруг с глубокими поклонами и повергаясь ниц, в то же время гортанным голосом творил своего рода заклинания.

После этого он полил заготовленную зелень густой, как деготь, жидкостью, достал из висевшего за поясом мешочка два плоских камня и стал тереть их один о другой, пока не брызнули искры, которые зажгли смолистые ветви вокруг конического камня.

Раздался треск, а затем поднялся густой дым. Тогда трехглазый человек принялся рычать и кружиться с необычайной быстротой; толпа подражала ему. Мужчины и женщины, взявшись за руки, составили цепь вокруг памятника и вертелись в безумной пляске, сопровождая ее криками и диким воем, что должно было, вероятно, изображать пение, так как голоса звучали то громче, то тише, но без всякого ритма или какой-либо определенной мелодии.

Клубы дыма между тем сгущались, расплывались и поднимались шатром в неподвижном, безветренном воздухе.

Вдруг среди облаков дыма сверкнуло пламя, огненным столбом взвилось вверх, затем окрасилось всеми цветами радуги и приняло форму исполинского сфинкса.

Пещерный человек и вся толпа остановились как вкопанные, а затем, упав на колени, все с благоговением взирали на видение, и вдруг загадочное существо заговорило. Доносившийся словно издали могучий голос достигал последних рядов и звучал, как рупор.

– Знайте, жители равнин, гор и лесов, что пришло время, когда к вам снизойдут боги, и тьма рассеется, ибо они смешаются с людьми, научат неведомым тайнам, покажут вам сокровища в недрах земных и раскроют красоты Неба. Они преобразят вас, и в потомстве вашем сохранится предание о том, что вам выпало счастье видеть, как благодатные сошли с неба и поселились среди вас. Боги приближаются! Готовьтесь же, люди равнин, гор и лесов, к великому событию: в течение двух дней не ешьте и не пейте, а на третий соберитесь в долинах и у подножия гор, и вы увидите, как спустятся с неба наши владыки и наставники. Времена настали!

Голос умолк, видение поблекло и как бы растаяло в воздухе.

Несколько минут толпа продолжала стоять неподвижно, подавленная услышанным, а потом всколыхнулась и зашумела, как бурное море. Окружив пещерного человека, люди засыпали его вопросами, и он объявил, что виденное ими таинственное существо послано богами, чтобы возвестить их сошествие. Затем он научил их, как надо поститься и очищаться омовением в реках, а в заключение повелел облечься в чистое и новое одеяние. Окончив наставления, он подробнее указал, в каких именно местах нужно им собраться, чтобы лучше видеть неслыханное и невиданное зрелище – явление с неба богов, таинственных существ, сходящих, чтобы преобразить мир.

Толпа торопливо расходилась, чтобы передать чудесную весть тем, кто не слышал ее.

Два следовавших за этой памятной ночью дня прошли в лихорадочном возбуждении.

В назначенный день, к вечеру, все были на ногах, волнение росло с часа на час, и не только люди, а вся природа словно была в ожидании чего-то необычайного.

Нетерпение дикой толпы все росло, а несколько молодых людей, более смелых и развитых умственно, уже ранее приручивших и объездивших крылатых животных, сели теперь на них верхом и поднялись на воздух, чтобы поскорее увидеть ожидаемых богов.

Наконец по небу разлился густой розовый свет, переливавший в золотисто-желтый, и на этом лучезарном фоне появилась таинственная флотилия, стремительно опускавшаяся с небесных высот.

Из каждого судна струились потоки ослепительного света, придававшего им подобие солнца, и в то же время раздавалась неслыханная доселе музыка. Гармоничные, но вместе с тем и невыразимо могучие звуки даже у грубых первобытных людей потрясали каждый нерв, и они безмолвно, в смущении и с трепетом, смотрели на это необыкновенное зрелище.

Помимо всего, эта музыка сфер вызвала еще одно совершенно неожиданное явление: из глубин рек и болот, из скал и лесов вышли различные животные и разнообразные чудовища, огромные и малые, все внушавшие страх людям, обыкновенно в испуге бежавшим от них. Однако страшное зверье вовсе не собиралось, по-видимому, вредить людям и, как очарованное, слушало смирявшие их волшебные звуки, будто внедрявшиеся в людей и зверей.

Тем временем воздушная флотилия спускалась все ниже к земле; исходящие от нее лучи приобрели разноцветную окраску, так что долины и горы попеременно одевались то сапфирно-голубым, то изумрудно-зеленым или рубиново-красным светом, а воздух насытился порывами чудных ароматов.

Теперь уже ясно можно было разглядеть, что на конце каждого судна была открыта дверь, и там, словно на балконе, стояли человеческие существа, высокие и стройные, в белых одеяниях или закутанные покрывалами, похожими на серебристую дымку. Лица их были необычайно красивы и действительно казались простым первобытным людям божественными.

Серьезно и вдумчиво смотрели адепты на эту новую землю – поприще их будущей деятельности – и на человеческую массу, которую они призваны были преобразить, даровав ей свет духовный, теплоту сердца, представление о величии Творца и законы, которые приучили бы ее к порядку и направили по пути совершенствования.

Тихо, словно убаюкиваемая волнами гармонии, пронеслась воздушная флотилия над равниной и лесами, а затем поднялась выше и скрылась за хребтом высоких гор.

Первобытные были точно в бреду. Народилось новое чувство – восторг и восхищение перед совершенной красотой, а вместе с тем и сравнение ее с их собственным безобразием. Однако чувство это было чуждо зависти, потому что существа эти, облеченные неземной красотой, ведь были боги.

В таком восторженном, неведомом до сих пор состоянии смотрели зачарованные дикари на горную цепь, за которой должны были теперь пребывать боги. Затем их охватил суеверный трепет, когда вдруг над вершинами высочайших гор появились огненные треугольники, а вслед за тем показался исполинский образ крылатого существа, вооруженного огненным мечом. Все

поняли, что места эти стали заповедными, и что никто из обитателей долин, лесов и гор не смеет приближаться к жилищу богов.

В одной из гор, окружавших площадку, где спустилась флотилия адептов, была обширная пещера, созданная отчасти самой природой, отчасти человеческими руками; там собралось человек двадцать. Стены подземной залы были местами украшены скульптурой, и блестящий шар, приделанный к одной из перегородок, озарял ее нежно-голубым светом. В большом углублении находился огромный красный камень, высеченный в виде треугольника, и к нему вело несколько ступеней, а сверху возвышался большой и массивный крест чистого золота, окруженный фосфорическим сиянием; над крестом свешивались с потолка семь золотых лампад изумительной работы, и в каждой горел особый огонь, соответственно цветам радуги. Разноцветный свет причудливо играл на золоте и хрустале большой чаши, помещающейся у подножия креста, а по обе стороны чаши лежало несколько больших книг в металлических переплетах.

В небольшой смежной пещере, также освещенной приделанным к стене шаром, стоял стол и каменные скамьи.

Несколько человек горячо молились, стоя перед нишей на коленях. Поклонясь три раза до земли, они хором пропели удивительно мелодичный гимн, а затем прошли в соседнюю маленькую пещеру, где одни сели у стола, другие ходили взад и вперед. Все они казались взволнованными и погруженными в серьезные думы.

Это были красивые люди разных типов, во цвете лет, но худые и бледные, имевшие вид аскетов. Все они одинаково сияли каким-то внутренним светом, который проникал точно сквозь кожу, озаряя отчасти худые и энергичные их лица и блестя во взгляде, полном ума и сильной воли, но в то же время словно подернутом глубокой грустью.

Все они были в одинаковых длинных одеяниях из темной кожи, опоясаны веревками и в соломенных сандалиях.

Наконец один, по виду старший, прервал молчание.

– Братья, труд наш окончен, как и наш искуc, надеюсь, – сказал он. – Приближается час явиться перед нашими прежними учителями и судьями, чтобы дать отчет в исполинском возложенном на нас деле. Поэтому, мне кажется, будет своевременно собрать документы как итог наших работ, который мы и должны представить учителям.

– Колокол еще не прозвонил; но ты прав, приготовим все, – ответил один из мужчин, вставая.

Они принесли и положили на стол ряд объемистых свитков. На одних были начерчены астрономические эволюции, положения созвездий и движения планет, начиная с незапамятных времен; другие заключали в себе историю последовательного развития планеты и живущих на ней рас до наступившего времени; в третьих, наконец, заключался подробный дневник личной работы каждого и полученных результатов.

Только что окончили они разбирать и связывать в пакеты эти драгоценные документы, как раздались три ясных и звучных удара колокола. Они вздрогнули и встали, а некоторые густо покраснели от волнения.

– Приступим к последнему омовению и вознесем очистительную молитву, прежде чем явиться пред нашими судьями, – сказал говоривший первым.

Молча, друг за другом, подходили они к источнику, тонкой струйкой вытекавшему из стены пещеры в каменный водоем, омыли в чистой воде лицо и руки, а потом вернулись в большую пещеру, где прочли молитву и пропели гимн, но совершенно другого напева. Звонкие, могучие звуки, исполненные великой радости и горячей веры, воспевали хвалу силам добра и блаженству очищения, а пока раздавалось это величавое пение, ниша озарилась чудесным розовым светом, чаша покрылась снопом ослепительного света и наполовину наполнилась золотистой влагой.

Ликуя и словно преобразившись, любовались собравшиеся волшебным зрелищем. Потом один из них взошел на ступени, взял чашу и отпил из нее, а затем передал другим, которые также пили ее таинственное содержимое. После этого тот, кто казался старше других, взял чашу, другой поднял золотой крест, а остальные поделили между собою книги и свертки; затем, держа в одной руке ношу, а в другой красную зажженную восковую свечу, все направились к лестнице, высеченной в скале и скрытой за выступом ее.

Очутились они на обширной площадке, обрамленной скалами и высокими горами; тут посреди пышной растительности стояло большое здание неведомой своеобразной архитектуры. Широкая лестница вела в галерею с колоннами, в виде древесных стволов; а там в больших каменных чашах горели ароматные травы. Здесь и встали прибывшие из пещеры в своих простых темных рабочих одеяниях.

С этой высоты перед ними развернулась чудная картина. Недалеко от лестницы отлого сбегала покрытая цветущими кустарниками дорога, которая вела к обширной поляне, где высаживались прибывшие с погибшей планеты. Одно за другим причаливали воздушные суда и спускали путников, собиравшихся группами. Одна состояла из людей, совершенно скрытых длинными покрывалами, и сквозь эту серебристую ткань скользил яркий свет, точно от раскаленного докрасна металла, а вокруг их голов сияли широкие круги золотистого света. Далее стояли маги в своих белоснежных одеяниях с соответствующими их сану лучами на челе и сверкающими нагрудными знаками; а затем, словно лучезарные видения, – магини, рыцари Грааля, напоминавшие серебристый улей, адепты низших разрядов и, наконец, масса землян, удостоившихся переселения на другую планету. Последние точно остолбенели, дрожали и сплотились под охраной надзирателей.

Великие служители света во главе с иерофантами, несшими увенчанные крестами чаши, двинулись ко дворцу, где их ожидали пионеры юной планеты, которые сперва пали перед ними ниц, а затем присоединились к шествию. В огромную залу вошли только высшие маги, магини, рыцари Грааля и стали полукругом в глубине; посредине же, перед закрытыми покрывалами верховными магами, встала небольшая кучка работников нового мира и сложила к их ногам принесенные документы; потом они передали подошедшим к ним адептам крест, чашу и книги в металлических переплетах.

После этого в глубокой тишине залы раздался звучный голос одного из тех, чьи лица были скрыты покрывалами.

– Слава вам, дети мои. Вы доблестно трудились и искупили грехи свои. Да спадут цепи, приковывавшие вас, узников, к прошлому! Бывшие изгнанники да вернутся очищенными в семью служителей света и отпразднуют свое духовное воскрешение.

Молниеносный свет сверкнул из группы высших магов, огненной пеленой накрыл кучку работников и точно спалил их. А когда этот красный туман рассеялся, обнаружилось чудесное превращение. Вместо прежних кожаных одеяний на тружениках новой планеты оказались белоснежные, и восторженная радость преобразила их лица, блиставшие поразительной красотой, а на головах их появились первые лучи венца магов.

Прибывшие с земли окружили их, обнимали и поздравляли; между ними нашлись прежние друзья, и велика была радость свидания.

Однако обновленные не забывали обязанностей хозяев, так сказать, на новой планете, чтобы устроить прибывших гостей. Прежде всего они отвели верховных магов в назначенное тем помещение, а прочих путников пригласили в большую залу, где был накрыт стол и приготовлено скромное угощение из молока, меда, плодов и хлеба.

Эбрамар тоже нашел приятеля между изгнанниками и поместил его за столом рядом с собою.

– Как я счастлив, что твое испытание окончено, Удеа. Мы очень благодарны тебе с товарищами за приготовленный нам прелестный дворец, который с самого прибытия дает нам удобный приют, – высказал Эбрамар.

Удеа, красивый молодой человек с серьезным лицом и большими черными, задумчивыми глазами, вздохнул.

– Времени у нас было достаточно для его постройки. Да и то он еще слишком мал для всех вас; но мы приспособили еще много пещер, где вы можете разместить низших. Что касается удобств, то они более чем скромны, как и наше угощение. У нас нет кулинарной роскоши, но мы радовались, что можем приготовить и предложить вам хотя бы это. Каждый камень этого здания служил для нас символом надежды, что тьма нашей жизни когда-нибудь рассеется, и вы поселитесь здесь, а мы будем среди равных себе, которые принесут сюда сокровища прошлого, – живое воспоминание о погибшей Земле, бывшей нашей колыбелью.

– О, Эбрамар! Тяжелым кошмаром кажется мне жизнь, проведенная здесь с той минуты, как я очнулся на этой планете, дикой и необработанной, населенной низшими существами, неспособными понять меня. Правда, у меня были товарищи по несчастью, но все окружавшее оказалось ужасным. Сознание того, что мы сами были виновниками нашей тяжелой доли, сожаление и укоры совести угнетали душу. Ведь мы лишены были всего и предоставлены только своему знанию, а развлечением нам служила исполинская работа. Трудно было... Иногда я думал, что паду под этой ношей, так было тяжело. Но, к сожалению... я был бессмертен!...

Пережитое страдание звучало в голосе Удеа, и Эбрамар крепко стиснул его руку.

– Отгони тяжелые воспоминания. Тем более что им не место теперь, когда величие исполненного долга и блеск заслуженной награды должны загладить всю горечь прошлого. Золотой луч на твоём челе, как знак завоеванного вновь бессмертного венца магов, уничтожил все заблуждения и мучения. Он озаряет тебе светлое будущее, и далее мы пойдем уже вместе.

Глаза Удеа вспыхнули любовью и горячей признательностью.

– Ты прав, Эбрамар. Под твоим попечением и руководством я надеюсь уже без помех пройти путь к совершенству. Позволь поблагодарить тебя, верный друг, за все, что ты для меня делал. Ты никогда не оставлял меня и в наиболее тяжелые часы испытаний доходило до меня с далекой Земли горячее веяние твоей любви, чтобы утешить, поддержать и смягчить страдания изгнанника!

Эбрамар улыбнулся и покачал головой:

– Ты ставишь мне в заслугу то, что было моей радостью. А теперь, повторяю, гони прочь эти воспоминания. После мы вдоволь наговоримся обо всем. Однако трапеза окончена. Пойдем, я хочу познакомить тебя с моими друзьями.

Они прошли к небольшой группе, стоявшей у окна, где Эбрамар и представил Удеа Наре и своим ученикам.

– Вот два доблестных труженика науки, Супрамати и Дахир. Для меня было удовольствием вести их по пути прогресса. А это – Нарайяна, мой «блудный сын», вернувшийся наконец в дом отчий. Он причинил мне, правда, немало огорчений, но доставил и много радостей. В лице его я представляю тебе самого веселого и человеческого из магов; но я полагаю, что мы увидим его в будущем на этой новой планете как завоевателя и основателя какого-нибудь великого царства, легендарное имя которого сохранится в народной памяти до самых отдаленных времен.

Все рассмеялись и после дружеской беседы разошлись, чтобы заняться работой по своему водворению.

Чтобы дать понятие о переданных выше фактах и объяснить присутствие на новой планете членов братства бессмертных, необходимо некоторое пояснение.

Несмотря на строгую дисциплину и тяжелый труд, требующиеся от членов сокровенного братства, адепты все же остаются людьми, и не один из них, при всей массе приобретенных

им знаний, только поверхностно укрощает таящиеся в глубине его существа слабости. Такие люди поддаются иногда необузданным еще страстям и под влиянием их совершают поступки, настолько недостойные их в качестве адептов, что исключение виновных из общины становится неизбежным.

Тем не менее просто исключить из своей среды таких людей представляется опасным ввиду того, что они обладают великим могуществом, злоупотребление коим может причинить много зла; кроме того, будучи посвящены в великие тайны науки, они могут нарушить даже естественный ход событий, если бы вздумали преждевременно распространить свои знания среди толпы, достаточно умственно развитой, чтобы их использовать, но еще слишком невежественной, чтобы не употребить их во зло. Но как освободиться от этих опасных субъектов? Умертвить тех, кто насыщен первобытной материей, нелегко. Поэтому виновным предлагается на выбор: или добровольная и чрезвычайно мучительная смерть путем разложения заживо, или же – отправка в качестве просветителей на иную планету, предназначенную для пребывания будущих законодателей, но находящуюся еще на низкой ступени развития. Там они могут трудиться до назначенного им учителями срока, или до прибытия их туда.

Искупление было тяжелое, но оно очищало великого изгнанника, смывало с него прежние ошибки и одновременно служило его возвышению.

Верховный совет погружал тех из осужденных, которые избирали испытание путем тяжелого труда в ином мире, в состояние летаргии, а высшие посвященные отвозили их на отдаленную планету – поприще будущей работы великих иерофантов угасшего мира.

Изгнанники снабжались самым необходимым: магическими инструментами, могущими потребоваться снадобьями и библиотекой, обдуманно составленной не только из научных сочинений, но и таких, которые способствовали бы отдохновению ума. По просьбе друзей, изгнанникам прибавлялись кое-какие предметы роскоши и в заключение им давалось все необходимое для богослужения, дабы они могли привлекать чистые течения, потребные для уравновешивания атмосферических токов и управления силами хаотическими.

## Глава вторая

С самого дня приезда прибывших с Земли в поселении закипела лихорадочная деятельность. Одни из учеников великих магов спешили устроить около своих наставников нужные лаборатории, приспособить научные инструменты и т. д., а другие наблюдали за распаковкой и приведением в порядок драгоценных рукописей, содержащих историю и научные выводы о погибшей планете. Все привезенные сокровища прошлого складывались в подземельях, приготовленных для этой цели адептами-изгнанниками.

Глубоко несчастны были земляне. Оторванные от своей родины, привычек и благ земных, они походили на ошеломленное чем-то стадо, испуганно жались друг к другу, и видом своим возбуждали жалость. Но покровители их видели душевный разлад слабых душ и тотчас приняли энергичные меры, чтобы вывести их из оцепенения и отчаяния. Понимая, что лучшим лекарством в таких случаях бывает работа, маги прежде всего разделили их на группы, предоставив заняться собственным устройством в отведенных им пещерах или же помогать адептам в менее сложных работах. Более разумные и деятельные из землян быстро освоились и поняли, что дело обстоит вовсе не так худо. Местность была настоящим земным раем, по восхитительной красоте расположения, неопишуемому богатству пышной растительности и приятному климату. Итак, энергичная часть пришельцев сумела оживить и увлечь других, более ограниченных умственно и безвольных; а затем вскоре вся маленькая армия землян горячо принялась за постройку временных жилищ и размещение огромного инвентаря, доставленного воздушной флотилией.

Едва прошло недели три, как первые работы уже были окончены. Лаборатории высших магов правильно действовали, и ученики их работали, передавая повеления учителей магам следующих, низших степеней. Затем на собрании ученых обсуждены и определены были планы тех таинственных особых работ, которые должны были послужить основанием будущей судьбы и воспитания грядущих рас.

– Братья! Первый наш долг состоит в том, чтобы заняться привезенными с собой людьми, которым предназначено стать ядром новых рас и цивилизаций, – сказал один из верховных иерофантов, председательствовавший на собрании. – Пока они вооружены только верой, благодаря которой и были спасены, но этого недостаточно для восприятия ими и усвоения возлагаемого на них долга. Нелегкое дело – сойтись с дикими народами в качестве просветителей, чтобы внедрить тем первые понятия ремесел и искусств, развить их грубый ум и установить законы для обуздания жестоких, зверских нравов первобытных людей. Да и сами они, в качестве пережитков цивилизации, достигшей своего апогея, но заглушившей праведные строгие законы своих праотцов, должны быть доведены еще до истинного познания справедливости и добра.

Для воспитания из них наставников низших рас нам нужны школы и время, но его у нас, к счастью, достаточно. Значит, надо начать с построения города, который и вместит школы посвящения; а для этого мы воспользуемся, конечно, скрытыми, находящимися в нашем распоряжении силами, которые помогут нам окончить довольно быстро это первое дело.

Обсудив и окончательно избрав место для божественного города, распределив работы между членами, сообразно специальности каждого, собрание разошлось, а небольшая кучка наших давних друзей сошла на террасе, прилегавшей к занимаемой Нарайяной зале, куда тот пригласил их вместе с Удеа, с которым искренне сдружился. Во время путешествия на новую планету Нарайяна был очень мрачен. Вероятно, ему тяжело было расстаться с Землею; но в этот день к жизнерадостному магу вернулось его хорошее расположение духа.

На террасе стоял накрытый стол со вкусными превосходно приготовленными кушаньями из фруктов и овощей. Гости отдали должную дань угощению, и Эбрамар, улыбаясь, спросил, не сам ли Нарайяна так вкусно, по-поварски, изготовил обед.

– Избави меня Бог пачкать руки такой работой, – самодовольно ответил тот. – Я привез с собой повара с лакеем и, как видите, обслуживаюсь довольно сносно.

Заметив изумление Супрамати и других гостей, за исключением посмеивавшегося в бороду Эбрамара, добродушно указавшего, что Нарайяна не утратил своих административных способностей, тот весело сказал:

– Слушайте, друзья, как это произошло. Стучилось это в последний день, когда наша старушка Земля трещала по всем швам, и я собирался сесть в свой аэро, чтобы ехать на сборное место нашей флотилии. Признаюсь, на душе у меня было так же темно, как и все кругом. Вдруг два обезумевших от ужаса человека бросились мне в ноги, уцепились за платье и умоляли спасти их, клянясь мне вечной благодарностью. Я хотел оттолкнуть надоедливых просителей; но, к великому моему изумлению, узнал в них слуг богача Соломона, который был прозван мною новым Лукуллом. Один из них был мне известен как превосходный повар. В миг сообразил я, что там, куда мы отправлялись, мне непременно понадобится прислуга. Одна мысль есть какое-нибудь рагу из кореньев, смастеренное, может быть, обезьяной или каким-нибудь чудовищем, привела меня в дрожь, а самому стряпать мне также не улыбалось. С другой стороны, иметь лакеем одноглазого или трехглазого субъекта, брр... Такой слуга видел бы или слишком много, или чересчур мало, и мне это тоже претило. Случай пришел мне на помощь, а эти бедняги в смысле груза не имели большого значения.

– Верите ли вы в Бога? – строго спросил я.

– Как не верить в наказание Божие, когда видишь ужасные последствия Его гнева, – с плачем ответили они.

– А в Господа нашего Иисуса Христа веруете? – продолжал я допрос.

Они перекрестились и, продолжая цепляться за меня, как пиявки, клялись крестом, что единственная их надежда на милосердие Спасителя.

Тогда я живо достал флакон с готовой уже для употребления первобытной эссенцией и дал каждому по глотку, предварительно поместив их в свой аэро.

Но так как эти молодцы очень смысленные, то они уже тут огляделись, а повар представил список съедобных продуктов, которые вы сейчас испробовали. Что касается лакея, то это само усердие, а набожен он при этом, как только можно пожелать. Я рад, дорогие друзья, что мог предложить вам сносный обед! А теперь, милый Удеа, благодарю тебя и твоих товарищей за приготовленное вами славное убежище для несчастных воздухоплателей.

И он в несколько приемов расцеловал сидевшего около него Удеа, к великому удовольствию присутствовавших, не исключая обласканного приятеля, который давно так не смеялся. Да и другие маги, серьезные и сосредоточенные, будучи далеко не веселы после пережитых событий, несколько развеселились и от души посмеялись.

Так как вставали из-за стола, то Эбрамар, положив руку на плечо Нарайяны, ласково сказал ему:

– Блудный сын мой, ты действительно самый «земной» из магов. Несмотря на время и опыт пережитых веков, несмотря на твои познания и совершенствование, ты сохранил юношескую жизнерадостность. Храни этот дар небесный и сообщи его всему тебя окружающему, потому что веселость служит поддержкой в работе и облегчит всякий труд.

В черных глазах Нарайяны блеснули удовлетворение и признательность.

– Благодарю, дорогой учитель, и постараюсь быть всегда веселым, даже когда заслужу семь лучей, что наступит еще не скоро, однако. А пока мне предстоит приятное занятие, которое займет меня: постройка дворца. Я хочу, чтобы он был одним из лучших в городе.

– Ты можешь вполне удовлетворить твой вкус и соорудить действительно волшебный замок, – заметил Удеа. – Все металлы здесь находятся еще в полужидком состоянии, или во всяком случае мягки. У нас тут находятся кристаллы необыкновенных оттенков и вообще материалы, могущие удовлетворить все требования, а твое артистическое чутье подскажет тебе, на чем остановиться.

– Благодарю, Удеа. Ты укажешь мне источник для изысканий. А ты, Эбрамар, также начнешь с постройки дома? Это самое спешное и самое приятное дело.

– Не отрицаю, что очень приятно устроить собственный очаг, но полагаю, что другие постройки еще нужнее, – ответил маг, покачав головою. – Не забывай, что мы здесь не только для нашего удовольствия, а прежде всего ради великого назначения – преуспевания планеты. Из толпы посредственных привезенных нами сюда людей мы должны воспитать царей, священнослужителей, слуг будущих правительств, художников, ремесленников и просто работников. Нелегко разобраться в этой людской массе и обучить ее так, чтобы каждый добросовестно выполнил свои просветительские обязанности относительно окружающих нас диких, варварских племен. С этой точки зрения, я считаю наиболее важным постройку школ и храмов посвящения, и только после этого мы приступим к образованию государств. Нарайяна почесал за ухом.

– Ты всегда олицетворенное бескорыстие, Эбрамар; но так как сегодня было решено начать с возведения нашего города, то надо же там жить.

– Успокойся, нетерпеливая душа, всегда забывающая, что поспешность служит показателем несовершенства. Всё будет и сделается очень скоро, потому что мы располагаем возможностью упростить работу до минимума. Или забыл ты, что у нас есть сила и инструменты, режущие гранит, как мягкий воск, обращающие в пепел всякое препятствие и поднимающие тяжести, равные весу пирамиды, как копну соломы? Сила эта поможет нам перенести громады, из которых воздвигнутся стены наших дворцов и школ; она же вырубит в горах подземные храмы, украсит их исполинской скульптурой, выроет пещеры и галереи. И в далекие затем века люди-пигмеи будут с жутким удивлением осматривать эти подземные города и «циклопические» постройки, в полном недоумении спрашивая, какие же человеческие руки, какие поколения великанов смогли в незапамятные времена прорыть, выточить, высечь в скалистом массиве такие чудеса искусства сверхчеловеческих размеров.

Наша бедная умершая Земля также обладала подобными архаическими памятниками, и ученые, в своем забавном неведении, не знали, к какой эпохе отнести происхождение их; а созданы они были действительно исполинами, но исполинами знания первых времен цивилизации.

– Дорогой учитель, ты, как всегда, прав, – восторженно ответил Нарайяна. – Итак, величайшим, прекраснейшим и богатейшим из основанных нами царств должно быть то, где воцариться ты.

Эбрамар улыбнулся и ласково взглянул на него.

– Благодарю за твой восторженный порыв, но царствовать я не намереваюсь, а буду служить нашему общему делу в качестве священника, учителя и посвятителя в великом храме нашего будущего города – «Города богов», как назовут его в сказаниях, – куда спустились небожители и откуда пошли божественные поколения, которые правили народами «золотого века». Там, – скажут сохранившиеся у людей смутные предания, – был земной рай, где росло древо познания добра и зла.

В последующие дни началась непрерывная работа. Одна часть адептов занялась разделом привезенных землян, образуя из них, сообразно способностям и познаниям, отряды работников для постройки города магов. Тем временем высшие адепты составили планы верхнего города и подземного, где намечались храмы для сокровенных таинств и хранилища документов или архаических сокровищ, как памятников умершей Земли. Магини, со своей стороны,

распределяли женщин и указывали подготовительные работы как для окончательного обзаведения колонии, так и для будущих школ.

Пока все это происходило в горной области, куда спустились беглецы с погибшей планеты, среди населения лесов и долин продолжалось большое волнение. Всюду разнеслась весть о прибытии богов, и те, кто не присутствовал при этом необычайном событии, спешили к счастливым его очевидцам.

На горы, за которыми скрылась воздушная флотилия, взирали с любопытством, но приближаться к ним не позволял суеверный страх. Иногда любопытные видели над горными вершинами странные знаки и снопы огня; а не то по временам появлялся крылатый дракон со всадником невиданного облика и быстро скрывался вдали. Тогда по этому поводу рассказывалось, что один из богов совершал прогулку.

У диких, равнодушных народов пробуждался новый интерес к жизни; их тяжелое и тупое мышление не было в состоянии постичь назначение пришельцев. Кто они и откуда взялись?

Не находя ответа на свои запросы, более развитые умственно обращались к трехглазым людям, но те также знали немного и ограничивались повторением, что боги явились передать новые познания и облагодетельствовать народы, населяющие долины и леса.

Трехглазые люди были представителями почти совершенно угасшей первобытной породы великанов. В течение медленной эволюции человеческой расы физический вид их изменился, исполинский рост уменьшился, третий глаз сначала все слабел и, наконец, совсем исчез, оставив единственным следом своего существования мозговую железу (gl. pinealis), в которой наука предполагает и допускает исчезнувший глаз.

Однако природа уничтожает то, что породила, весьма медленно и постепенно. Отдельные индивидуумы видов великанов с тремя глазами существовали еще среди перерождавшихся народов; зато самая редкость таких людей окружила их мистическим ореолом, и на них смотрели как на существа высшие.

В это же время совершенно неожиданное и доселе не испытанное событие потрясло население, отодвинув на задний план все другие интересы. В одном из племен, живших в дуплах деревьев, заболел горлом ребенок и через день скончался в мучениях; мать и несколько членов семьи вскоре умерли от той же болезни, а затем зараза разразилась с ужасающей быстротой, захватывая одно племя за другим и унося множество жертв.

Безумный, панический ужас охватил этих простых, невежественных людей, не знавших никакого средства прекратить эпидемию, и самым невежеством своим еще увеличивавших опасность заразы. В отчаянии они только и могли придумать – пойти к трехглазым людям, или «пещерным», как они их прозвали, за советом и помощью. И вот одному из тех пришла такая мысль:

– Сделаем как в тот раз, когда нам объявили прибытие богов. Они ведь явились помогать нам? Так призовем их, а они должны прогнать смерть, удушающую вас.

В следующую ночь огромная толпа собралась у кубического камня с базальтовым конусом наверху. Как и в первый раз, зажгли смолистые ветви, плясали и становились на колени; но так как тогдашнее видение не повторилось, то Ипакса (человек с тремя глазами) приказал кричать как можно громче, чтобы боги услышали их призыв. Нечеловеческие рычания и вопли пронесли по долине, подобно дикому урагану, и вдруг – о великая радость – над горами, окутанными ночной тьмой, блеснул, как молния, свет. Значит, боги услышали их. Страх и надежда волновали рассеявшуюся затем толпу, но не взошло и солнце, как в описанный выше поселок, если можно назвать так логовища в дуплах деревьев, спустился крылатый дракон, и на нем женщина в белом одеянии.

Серебристая вуаль окутывала ее словно облаком, два золотистых огня украшали золотой обруч, поддерживавший пышные волосы. В руках она держала невиданной формы и красоты ларец. Голубоватый ореол окружал ее голову, из рук и одежды при каждом движении струился

фосфорический свет. Как лучезарное видение, являлась она в жилища, пораженные болезнью; а люди, страшась ее, сторонились, прятались и даже убегали, но успокаивались после того как видели, что светлая дева с нежностью и кротостью склонялась над больными, вынимала из ларца блестящие, разноцветные флаконы и кому смазывала горло, кому грудь, а умиравшим вливала несколько капель чудодейственной жидкости в рот или возлагала руки на голову.

Таким образом с полным сочувствием обошла она все жилища и всюду польза врачевания проявлялась почти чудесно; хрипение прекращалось и дыхание становилось свободным, а силы восстанавливались. Когда же она вышла из последнего жилища, и крылатый дракон унес неведомую благодетельницу, туземцы распростерлись на земле, и тут впервые, может быть, в их девственных душах шевельнулось чувство благодарности и обожания. С этого дня эпидемия быстро пошла на убыль и потом совершенно прекратилась, а несколько сильных гроз с проливным дождем очистили воздух.

Мало-помалу стали доходить вести, что благодетельная богиня побывала во всех пораженных заразой местах, и ни один из тех, к кому она прикасалась, не умер. В населении пошли все более и более причудливые толки. Излеченные богинею уверяли, что крошечные, как у ребенка, руки ее напоминали на ощупь душистые цветочные лепестки, что из пальцев ее истекало живительное тепло, что ходила она, не касаясь земли, а во флаконах был огонь.

Среди землян, которые быстро освоились и всячески старались быть полезными, находился молодой ученый астроном Андрей Калитин, обращенный Дахиром во время пребывания его в России и взятый им на новую планету.

Привыкнув к серьезной умственной работе и энергичный по природе, он настоящим образом оценил невероятную удачу, которая спасла его от ужасной катастрофы, уничтожившей мир земной, а потому и признательность его своему спасителю не имела границ. Подобно прочим, очнувшись он только по прибытию на место, и вначале его подавляло сознание, что он действительно находится в другом мире; но как только первое впечатление прошло, он со слезами благодарил Дахира и смиренно умолял остаться его покровителем, руководителем и принять в свои ученики, если путем усиленного труда он окажется достойным того.

– Я понял свое полное невежество, я стер все, что изучал прежде. Но у меня горячее стремление работать по вашим указаниям, и я буду покорным, усердным учеником, – прибавил он.

– Значит, решено, мой юный друг, – и, ласково улыбаясь, Дахир пожал его руку. – С этого дня ты – мой ученик. Но я не считаю твои прежние познания столь ничтожными, и мы только переделаем то, что ложно или плохо понято.

С этого дня Дахир поместил нового ученика поблизости от себя и находил всегда возможность заниматься с ним, несмотря на обилие возложенной на него самой работы; а ему поручено было изучить и привести в порядок документы, собранные изгнанниками. Каждый день посвящал он Калитину часок и тогда исправлял его заблуждения или указывал верную точку зрения по научным вопросам; равным образом он брал его с собою в свои деловые поездки и давал ему возможность знакомиться с его новым местопребыванием.

Постройку первого храма возложили на Нарайяну, а Супрамати, в душе которого пробудился прежний скульптор, охотно взял на себя работу по орнаментовке. Ввиду желания верховных магов окончить как можно скорее это первое святилище, работа велась при помощи загадочной силы, пользоваться которой умели лишь высшие адепты.

Однажды, желая переговорить с Супрамати, Дахир отправился в будущий городок и пригласил Калитина.

Искусно скрытые галереи вели в подземное святилище, и мягкий голубоватый свет озаирял их, как и огромную головокружительной высоты залу, где работали оба мага.

В короткой полотняной блузе Нарайяна работал в конце храма, а Супрамати неподалеку от входа. Оба они были так заняты, что не заметили прихода Дахира с его учеником, а те

стояли молча. Дахир не хотел мешать друзьям и ждал, пока они их заметят, а сам между тем рассматривал место, куда попал в первый раз.

Калитин же со все возрастающим волнением смотрел на обоих адептов, не понимая их работы. В поднятой руке Супрамати держал металлическую, блестящую, как полированная сталь, палочку и двигал ею, то опуская, то поднимая, то вытягивая ее, то сокращая, смотря по надобности; а с конца палочки сыпались искорки, которые снопами поднимались вверх, исчезая затем в воздухе, и каждое движение палочки сопровождалось легкой звуковой вибрацией с удивительными переливами. Но Калитина всего более смущало необычайное явление: без малейшего прикосновения к каменной стене на ней быстро высекалась человеческая фигура исполинских размеров. Казалось, будто художник лишь издали подправлял свое произведение, усиливая его рельеф и оттеняя выражение лица или тщательно дорабатывая подробности одежды и волос.

А работа Нарайяны представлялась еще поразительнее. В руке его ничего не было видно, и лишь по временам между пальцев сверкал металлический свет, и сыпался поток искр. В это же время под действием какой-то невидимой силы от задней стены пещеры откалывались большие глыбы гранита; но вместо того, чтобы с грохотом падать на землю, они бесследно рассеивались в воздухе.

Калитин не понимал того, что видел, и даже глухо вскрикнул от волнения. Тогда оба адепта прервали работу и заметили гостей.

– Извините, что мой ученик помешал вам, но он был буквально ошеломлен, – объяснил Дахир, обнимая друзей.

– Да и действительно, для непосвященного наша работа довольно темна и способна вызвать возглас удивления, – смеясь, заметил Нарайяна.

Увидев, с каким жадным любопытством Калитин смотрел на его руку, он протянул ее ему и показал лежавший на ладони какой-то странный предмет. Это было совершенно круглое, висящее на крючке кольцо с вибрировавшими стрелками на поверхности; а посередине первого кольца было еще другое, но волнение мешало Калитину внимательно разглядеть любопытный прибор. Мысли вихрем кружились в его голове, и он был так озадачен, что не слышал, о чем говорилось возле него; к действительности его вернули звонкий смех Нарайяны и прикосновение Дахира. Он сконфузился и извинился, но не мог удержаться от просьбы объяснить ему их изумительный способ работы.

– Вечером за беседой я объясню тебе то, что ты тут видел, а до тех пор потерпи, так как **терпение** – одна из необходимых добродетелей для ищущего знания, – ответил Дахир, прощаясь с друзьями и выходя из пещеры.

Никогда еще Калитин не дожидался наступления вечера с таким нетерпением. Он был достаточно умен, чтобы понять, что адепты пользуются изумительно могучей силой природы, но какова эта сила, он никак не мог сообразить и тщетно старался приравнять ее к одной из известных ему.

Войдя в рабочую комнату Дахира, он с удовольствием увидел на столе ученого точно такие два инструмента, как у Нарайяны и Супрамати.

Прежде всего Дахир объяснил ученику строение атмосферы и прибавил:

– Странная сила, которая привела тебя в такое недоумение, – не что иное, как вибрационная сила эфира, а умение владеть ею таит в себе скрытый смысл всех физических сил. Я уже раньше говорил тебе, что звук представляет одну из самых страшных оккультных сил. Звук и собирает, и рассеивает; звук, равно как и запах, является в действительности категорией необычайно тонкой и проистекающей из тела, будучи извлечен при помощи толчка или удара. Звуки, вызванные в известном объеме и сочетании так, чтобы они могли дать эфирные аккорды, путем распространения своих тонических соединений проникают во все, что им доступно. Тем же самым законом объясняется могущество музыки, которая раздражает

или приводит в восторженное состояние, или успокаивает, одним словом, влияет на душевное состояние, равно как придает соответствующую силу магическим формулам. Формулы, как и мелодия, образуют особые вибрации сообразно с преследуемой ими целью.

Чтобы дать понятие о тонкости эфирного тока, скажу только, что плотность атмосферы, сравнительно с ним, подобна платине по отношению к водороду, или самого тяжелого вещества – к легчайшему газу.

Все тела, животные, растения или минералы образованы были, в основном, из этого разжиженного эфира; значит, разнообразные виды, в которых проявляются силы материи, все имеют одинаковое происхождение, находятся во взаимной зависимости и способны, так сказать, претворяться одни в другие. Кто желает пользоваться этой эфирной вибрацией, тот может самым фантастическим образом действовать на всякую материю.

– Прости мне один вопрос, учитель, – нерешительно заметил Калитин. – Из сказанного тобою я понял, что вибрационная сила, которую используют наши друзья, обладает свойством разлагать или соединять атомы материи; но я видел нечто большее. Казалось, не ток какой-то невидимой силы, а рука художника высекала статую, рождавшуюся на моих глазах; а этого-то я не могу понять.

– Между тем это очень просто, как и действие всякой силы природы. Скала, как и всякая другая материя, состоит из отдельных частиц, находящихся в непрерывном движении и подчиненных действующим силам, среди которых наиболее видимое и быстрое влияние оказывает теплота; но эфирный ток, управляемый сознательной волей, еще более могуч и тонок. Внутреннее движение каменной или металлической массы делает ее доступной для мысли обрабатывающего ее разумного деятеля; когда же эта мысль сопровождается столь же гибкой, сколько и могучей силой эфирного тока, то материя подчиняется так же легко, как бы ею управляла видимая материальная сила. Материя оживляется временно проникающей в неё душой и покорно склоняется перед ее волей.

– Благодарю, я начинаю понимать, но не могу только дать себе отчета, куда деваются куски камня, отделяющиеся от стены. Я ясно видел глыбу больших размеров, которая, отделившись от скалы, тотчас же исчезла совершенно бесследно.

– Сила эфирного тока, оторвав от скалы нужную работнику глыбу, растворяет атомы, которые и рассеивает, разложив предварительно молекулы.

– Но скажи, ради Бога, во что же превращает их эта чудесная сила? – воскликнул Калитин, бледный от волнения и дрожа от любопытства.

– В эфир, который представляет общую для всего «протоплазму», – улыбаясь, ответил Дахир. – Добавлю, что способы пользования эфирной вибрационной силой бесконечно разнообразны. Она и убивает, как молния, но и излечивает различные болезни, способствует физическому организму в восстановлении истощенных сил с такой быстротой, что может даже вернуть человека к жизни, если только астральное тело его еще не отделилось окончательно; потому что звук собирает элементы, вроде озона, производство которого не во власти простой химии, зато обладающего необыкновенно живительными свойствами. Теперь я покажу тебе инструменты, которыми в настоящую минуту работают мои приятели; конечно, есть множество и других, но о тех мы поговорим после. Возьми сначала палочку; можешь без опасения прикасаться к ней, снаряды не заряжены.

Чуть не с суеверным почтением взял Калитин металлическую трубку и осмотрел ее. Она оказалась полой внутри, имела рукоятку со многими вставками, ключами или пружинами, и снабжена была механизмом для укорачивания или удлинения.

Дахир пояснил, что посредством ключей можно определить напряжение или направление силы, и, сообразно способу пользования, она могла и убивать и излечивать. Затем они приступили к осмотру второго аппарата. Как говорилось раньше, это было круглое полое кольцо, висевшее на крючке; внутри его было восемнадцать резонаторов, а на поверхности кольца

виднелись иглы или вибрирующие стержни, расположенные кругообразно и в нисходящем порядке на трех наружных резонаторах, соединенных между собою металлическими нитями.

Посредине находилось другое полое кольцо, так сказать, барабан с видимыми для глаза двумя рядами кругообразных трубок, расположенных, как трубы в органе. В самом центре второго кольца помещался вращающийся диск, а к нижней части прибора был приделан небольшой пустотелый шар, откуда шли проводники силы.

– Когда аппарат находится в действии, диск вращается с невообразимой быстротой; и сила этого двигателя почти бесконечна. Сейчас я заряджу снаряд, а для этого достаточно только раз ногтем нажать одну из стрелок – вот так, – прибавил Дахир. – Теперь я покажу тебе некоторые действия мотора. Там, на стуле около двери, лежит труп маленького животного; подвинь ближе, и мы разложим его на неосязаемые и невидимые элементы.

Калитин еще рассматривал издали положенное им посреди комнаты животное, как вдруг огненный сноп сверкнул из аппарата и упал на труп, который взлетел в воздух, а затем исчез бесследно, не оставив после себя ни пылинки.

После этого Дахир положил три нитки на стекло микроскопа, и когда озадаченный Калитин увидел поразительное увеличение положенного под стекло предмета, маг прибавил:

– Помнишь тот аппарат, при помощи которого я показывал тебе разложение атмосферы нашей бедной умершей Земли? Так он был также заряжен вибрационной эфирной силой.

Обмотай я теперь заряженной нитью какой-нибудь предмет, весящий хоть тысячи килограммов, его без малейшего затруднения можно было бы поднять и перенести на другой конец сада. Наконец скажу тебе, что перенесшие нас сюда воздушные корабли были снабжены такими же машинами, которые, будучи поляризованы сообразно с надобностью, несли громадные тяжести, очень легко поднимались на воздух и, под действием эфирного тока, с невероятной быстротой шли в любом направлении.

– Боже мой, как все, что ты говоришь, интересно! Но я предчувствую, что вы не откроете мне самую тайну получения и управления этой силой, – недовольным тоном произнес Калитин.

– Ты не ошибся, друг мой. Прежде чем получить в свое распоряжение эту грозную и опасную силу, ты должен будешь не только много поработать и поучиться, но кроме того дисциплинировать свою душу и дать доказательству умения владеть собой.

– Ох! доживу ли я до этого? – вздохнул Калитин. Лукавая, но веселая усмешка мелькнула на впечатлительном лице Дахира.

– На этот счет не бойся. Времени у тебя хватит, и я полагаю, что настал момент открыть тебе то, о чем ты и не подозревал. При первой нашей встрече я дал тебе выпить жидкость, которую ты считал ядом, и ты выпил ее, ожидая смерти, а между тем остался жить. Жидкость эта была первичной эссенцией, эликсиром жизни, который одарял на нашей бедной земле того, кто его пил, долгой планетной жизни. В нашем новом местопребывании мы снова стали смертными; но все-таки несколько тысячелетий мы еще проживем, как и те, кого мы привезли с собою. А это потому, что для трудного дела, которое нам предстоит выполнить здесь, короткое существование было бы бесполезно. Адепты, которых мы воспитываем тут, останутся после нас хранителями наших тайн и будут нашими преемниками. Итак, ты видишь, что у тебя в распоряжении достаточно времени: ни один из врагов обычных смертных – ни старость, ни упадок сил – не грозят нам, и ничто не мешает совершить много великого и доброго.

Смертельно бледный, дрожа как в лихорадке, слушал Калитин. Его ум отказывался понять эту новую и невероятную тайну, и только после продолжительной беседы с покровителем к нему вернулось спокойствие.

Однако несколько дней он был грустен и удручен. Развернувшаяся перед ним столь длинная жизнь страшила его, но мало-помалу сильный дух его преодолел слабость, и он твердо решил сделаться достойным необычайной судьбы, уготовленной ему Отцом Небесным. По приказанию Дахира, он не сказал ничего другим землянам из того, что ему стало известно.

Обретя душевное равновесие, Калитин снова задумался об эфирной силе, ошеломившей его своими проявлениями. Однажды вечером, во время обычной беседы, он навел разговор на тот же предмет.

– Скажи, учитель, вероятно, эта чудодейственная сила всегда составляла тайну магов? На Земле никто не подозревал о ее существовании, иначе ею пользовались бы, потому что невозможно забыть ее проявления; а между тем, я никогда не слышал о силе, которая дала бы такой толчок промышленности, науке и искусству.

– Ты ошибаешься. Идея ее была известна, по крайней мере, отчасти. Знал ли ты достаточно прошлое нашей древней родины – Земли и слышал ли, что целый континент, называвшийся Атлантидой, был поглощен океаном?

– Конечно, слышал, и даже изучал этот вопрос.

– Так вот. Атланты знали эфирную силу и пользовались ею. Здесь у нас есть один из них, по имени Тлават, он принадлежал к школе египетских иерофантов; я познакомлю тебя с ним, и вы поговорите. Но вернемся к нашему предмету. Атланты называли эфирную силу Машма, и эта страшная астральная сила сыграла значительную роль в уничтожении континента.

В тайных индийских книгах также говорится о вибрационной силе; так, в наставлениях, заключающихся в Аштар-Видья, сказано, что заряженная такой силой машина, будучи помещена на «летающий корабль» и направлена на армию, превращала людей и слонов в груды пепла так же легко, как копну соломы.

В другой древней индусской книге Вишну-Пурана та же эфирная сила упомянута в аллегорической и непонятной для профана форме – «взгляда Капилы». – мудреца, который взором обратил в прах шестьдесят тысяч сынов царя Сагара.

– Я понимаю, что наука атлантов погибла вместе с их континентом; но, однако, были же люди, пережившие катастрофу. Ведь египтяне представляли поселение атлантов. Как же могла окончательно затеряться столь важная тайна?

Дахир покачал головой:

– Опыт указал, что обладание этой тайной могло вызвать неслыханные бедствия, и люди стали осторожнее. Пользование этой опасной силой, окутанное тройным покровом тайны, было скрыто под непроницаемыми символами и доверялось лишь высшим посвященным. Однако, как это ни странно, но во второй половине XIX века один человек открыл эфирную силу и нашел способ посредством остроумных приборов пользоваться некоторыми ее свойствами, но... это ни к чему не привело.

– А ты знаешь имя этого человека и причины его неудачи, осудившие на забвение такое чудесное открытие? – взволнованно спросил Калитин. – Ведь XIX век был эпохой высокой культуры и великих научных открытий, подготовивших то, что человечество развило впоследствии, – недоумевал Калитин.

– Ты задал сразу много вопросов, но я постараюсь на них ответить, по возможности. Имя этого человека Джон Уоррель Кэли; а жизнь его, борьба и неудачи представляют одну из самых трагических сторон гения. Все, что зависть, пошлейшая злоба, клевета, пренебрежение и насмешка могли только придумать, – все это было нагромождено на пути Кэли. И разве не характерна черта современного ему общества, что в «ученом» мире не нашлось никого, способного понять его исполинское произведение; а в рядах общества, среди промышленников, литераторов, духовных лиц ни один не оказался достаточно просвещенным и чуждым эгоизма, чтобы материально помочь бедному изобретателю, напавшему на одну из величайших тайн природы. Его травили, издевались над ним, называли обманщиком и шарлатаном; а торгаши, желавшие поживиться за счет его открытия и не преуспевшие в этом, грозили даже тюрьмой. Наконец, доведенный до крайности, он уничтожил большую часть своих аппаратов, и открытие *его* кануло в вечность.

– Но ведь это ужасно и возмутительно! – в негодовании воскликнул Калитин.

Загадочное выражение мелькнуло на лице мага.

– Всё не так просто, как ты полагаешь. Еще весьма сомнительно, принесло бы открытие Кэли счастье человечеству, став достоянием масс. Скверное это было время – девятнадцатый век, который ты называешь «высококультурным». Действительно, наука сделала тогда замечательные успехи, было много великих открытий, считая в том числе и Кэли; а тем не менее, в то время расцветали наихудшие страсти человеческие, зверский эгоизм, лютая, беспощадная борьба за наслаждения жизнью и отрицание Божества, погрузившее мир уже в грубый материализм, последствием чего явилось омертвление всех возвышенных чувств. В девятнадцатом веке именно и народился парадокс, вреднейший из всех, какие только знало человечество: лжегуманитарные воззрения, оправдавшие самые возмутительные преступления, прикрывая их щитом безумия, нервной болезни, вырождения и т. д., – параллельно с действительным насаждением жестокости путем вивисекций, политических убийств, гнусных орудий войны, как то: разрывные пули и т. д. С девятнадцатого века усилилось процветание атеизма, падение нравов, безграничный цинизм, что повлекло за собой разложение общества, породило эпидемии безумия, самоубийств, нелепых убийств и вызвало из хаоса темные силы, которые и привели к преждевременному разрушению планеты. Вообрази себе теперь открытие Кэли в распоряжении подобных «артистов», – анархистов, буйных сумасшедших и т. п. «каинов» рода человеческого. Получив возможность пользоваться эфирной силой по своей кровожадной фантазии, они уничтожали бы людей миллионами, разложили бы континенты на атомы и вообще надедали бы бедствий без числа. Это не могло быть допущено. Служители Божества, наблюдавшие за судьбами мира, не могли позволить лукавому, извращенному человечеству распоряжаться силой, которая в его грязных руках стала бы действительно дьявольской. Открытие Кэли явилось на много тысяч лет ранее, чем следовало, и потому было обречено на забвение, вследствие прежде всего его незнания, что в самом человеке лежит начало, могущее направлять и распоряжаться вибрационной эфирной силой. Кэли не подозревал даже, что в качестве одной из редких личностей он обладал особыми, ему только присущими психическими способностями, а поэтому не властен был передать другим то, что составляло неотъемлемую принадлежность его собственной природы. Подтверждением моих слов служит то, что инструменты Кэли не работали, если кто-либо другой пробовал пользоваться ими; это одно являлось препятствием для распространения его открытия. Посвященные знают, что за видимыми явлениями природы стоят разумные сущности, которых люди зовут «силами» и «законами», а те действуют этими силами и законами, будучи, в свою очередь, подчинены еще более высоким **разумам**, представляющим для первых **силу и закон**.

Этот разговор еще более, нежели предшествовавшие беседы, произвел на Калитина глубокое впечатление. В уме его вставало новое представление о Вселенной, о ее законах, о Божественном и Непостижимом Существое, от Которого все исходило. Каждый раз, когда перед его восхищенным умом открывался неведомый ему кругозор, вера его разгоралась, и он смиренно и благоговейно молился, благодаря Верховное Существо, милосердного Отца всего сущего за милости, которыми Он осыпал его.

Благодаря особым, находившимся в распоряжении средствам и приемам для производства работ, подземный храм был сооружен очень скоро, и маги готовились освятить его первым богослужением. К этой торжественной церемонии собрались в храме посвященные всех степеней, а в смежной зале собрали землян, которые не могли бы вынести насыщенную сильными ароматами атмосферу святилища.

Бледный и мягкий голубоватый свет заливал обширный храм, а светившиеся очертания каббалистических и иероглифических знаков затянули стены словно огненной фосфорической сетью.

В глубине храм заканчивался полукругом, и семь ступеней вели на площадку, пока еще пустую, но, видимо, приготовленную для престола.

На темном фоне скалы горел разноцветными огнями огромный круг, а в центре его ослепительно сверкал диск метра в два диаметром. Вокруг этого как бы солнца огненными иероглифами было начертано таинственное и страшное имя Неизреченного, Неисповедимого Существа, вокруг Которого зиждется и вращается Вселенная.

Сосредоточенные, степенные, встали посвященные полукругом перед нишей: с одной стороны маги, с другой магини, все в белоснежных полотняных одеяниях. Прежде всего все преклонили колени и углубились в горячую безмолвную молитву; затем раздалось величавое пение, становившееся все громче и громче.

Удивительные то резкие, то нежные мелодии нарастали, переходя в море звуков, которые силой своей потрясали, казалось, всю гору до основания. Бурный ветер носился по храму, потом раздался глухой рев, словно удар грома прокатился по залам и подземным галереям, а огненные молнии зигзагами прорезали воздух.

Вдруг с грохотом и свистом огненная масса ринулась со сводов и пала на возвышенную площадку в глубине храма.

Когда огонь угас и рассеялся дым, взорам представилась каменная глыба, та самая, которая служила престолом возле последнего источника первородного вещества на Земле. Перенесенный магами драгоценнейший пережиток, священное воспоминание рухнувшего мира, должен был вновь служить престолом первого святилища, основанного земными беглецами в новом мире.

Три иерофанта, самые старые и увенчанные сверкавшими венцами магов, поставили на этом мистическом престоле громадную хрустальную чашу с крестом сверху, в которой пылало и кипело первичное вещество, почерпнутое в одном из девяти источников нового света.

Из камня же, перед чашей, сверкнуло отливавшее всеми цветами радуги пламя, которое не должно было никогда угасать.

После совершения первого богослужения посвященные принесли присягу – верно исполнить возложенную на них задачу, отдать все силы и любовь новой земле, которая послужит им и могилою.

По окончанию церемонии был пропет благодарственный гимн, толпа медленно разошлась, и фосфорические знаки потухли, за исключением круга с именем Неизреченного.

## Глава третья

Постройка города магов продвигалась быстро. И адепты, и земляне – все работали усердно.

Все эти строители были первоклассными художниками, а к тому же в их распоряжении находились изумительные средства, так как многие металлы и другие материалы были еще в мягком состоянии, что значительно облегчало пользование ими для скульптурных работ. И сказочный город, центр легендарного «земного рая», стал действительно чудом гармоничной красоты и утонченного искусства.

Среди обширных садов, пестревших цветами и оживленных бившими фонтанами, высились многоцветные дворцы магов, являя собою подлинные сокровища красоты как снаружи, так и внутри.

Давние друзья наши поселились поблизости друг от друга, и дворцы их представляли нечто весьма своеобразное.

Будущее жилище Эбрамара стояло посредине, а вокруг него, соединяясь между собой длинными крытыми колоннадами, правильным четырехугольником расположились дворцы Супрамати, Дахира, Нарайяны и Удеа; все они были разных цветов.

Дворец Эбрамара и галереи, прилегавшие к нему словно четыре луча, были белы, как снег; дворец Супрамати казался золотым, Дахира – рубиново-красным, Нарайяны – голубоватым, как сапфир, и Удеа – изумрудно-зеленым.

Но эти обширные сооружения не предназначались исключительно для удовлетворения скромных потребностей магов, а должны были давать приют множеству учеников, которых каждый из великих адептов брал на свое попечение, а равно и их близких, так как после открытия города должно было следовать образование семей, а потом открытие занятий как в школах посвящения, так и в низших, где будущие наставники народов обучались бы ремеслам, обработке земли и умению руководить дикими, невежественными ордами, для воспитания коих они и предназначались.

Земляне ожидали увидеть великие торжества при открытии города, но большинство с горячим нетерпением ждало обещанных свадеб. Вынужденное целомудрие в течение годов строительства не всем было по вкусу, но господствовавшая железная дисциплина исключала возможность малейшего грехопадения. Прекрасный пол, будучи отделен от мужчин, находился под особым надзором посвященных женщин и проходил обучение, готовившее их к роли супруг и хозяек, притом в условиях, совершенно отличных от тех, с какими они свыклись на Земле.

Вообще подготовительное воспитание разнородной массы землян было трудно и сложно, прежде всего уже потому, что входившие в число их люди принадлежали к различным категориям, как по национальностям, характеру, общественному положению, так и по умственному развитию. Все они были верующими и достаточно благонамеренными для того, чтобы их стоило брать с собою; но, помимо этих достоинств, все же это были люди своей эпохи, пропитанные ложными идеями и испорченные культурой, слишком утонченной и извращенной. Независимо от этого, принятая первичная эссенция произвела странное и чудесное излечение в их организмах: увядшие, истощенные, болезненно-нервные тела их стали крепкими, и в них сила жизни была ключом; словом, они стали такими, как и следовало быть деятельным работникам будущих цивилизаций и предкам более культурных рас.

Однажды в чудное послеобеденное время наши старые друзья собрались на обширной террасе помещения Эбрамара, во дворце, приготовленном изгнанниками для беглецов с Земли. Говорили о различных катастрофах и готовившихся бедствиях, которые надлежало

использовать, чтобы теснее сблизиться с населением, оказывая ему помощь, и тем положить первую основу богопознания и религиозного культа в самой примитивной форме.

Постепенно тема беседы изменилась, и разговор сосредоточился на предстоящих торжествах, и прежде всего женитьбе магов (лишь посвященные высших степеней оставались холостыми), а бракосочетание должно было происходить в подземном храме, где находился таинственный кубический камень, после чего адепты с женами поселялись в своих новых жилищах. Благословение браков адептов низших степеней и землян назначено было на следующие дни.

Удеа не принимал никакого участия в последней части разговора. С грустным, задумчивым видом облокотился он на перила, а по выражению его красивого бледного лица и мечтательных глаз видно было, что мысли его далеко.

Наблюдавший за ним Нарайяна хлопнул вдруг его так сильно по плечу, что тот, вздрогнув, выпрямился и казался настолько ошеломленным, что все присутствовавшие рассмеялись.

– О чем мечтаешь ты, неисправимый отшельник? Не угодно ли! Речь идет о самом интересном, что есть на свете, – о хороших женщинах, вопрос одинаково важный как для мага, так и для простого смертного, – а он ворон считает и даже не слушает. Очнись, друг мой и смотри здраво на жизнь. Чего тебе недостает? Испытания кончились, прошлое вычеркнуто, перед нами разворачивается безоблачное будущее, и на челе твоём горит первый луч венца мага. Разумеется, это прекрасно, но благоустроенный очаг, хорошая хозяйка, которая любит, балует и заботится о вкусном обеде, – все это также весьма ценно и гораздо легче достижимо, не забудь этого!

Прочувствованная речь неисправимого Нарайяны вызвала новый взрыв смеха, которому вторил сам Удеа, заметивший при этом, что имея такого друга, как Нарайяна, он никогда не рискует забыть о реальной стороне жизни.

Когда веселье поутихло, Эбрамар дружески сказал:

– Несмотря на своеобразность сделанного тебе внушения, признаюсь, друг мой, что Нарайяна прав, и ты поступишь благоразумно, если выберешь себе подругу жизни. Ты слишком много думаешь о прошлом, о времени, проведенном в ссылке на этой земле, где так много страдал и работал. Тебе необходимо встряхнуться, а смягчающее чувство любви чистого и прекрасного существа – лучший бальзам для больной души.

– Если прикажешь, я готов, – со вздохом ответил Удеа.

– Ну как я могу приказывать тебе что-либо в подобном деле?

– Отчего же? Ты – мой лучший друг, неустанный покровитель, сыскавший дорогу на эту далекую землю, чтобы поддерживать, облегчать, утешать отверженного в трудные минуты его изгнания. Кто же лучше тебя мог бы посоветовать мне! Поэтому я и повторяю, что если ты находишь это нужным, то выбери мне среди магинь такую, которая пожелала бы меня в мужья.

– Это совсем нетрудно! Держу пари, что многие втайне вздыхают по такому красавцу, как Удеа. Труден только выбор, – подсказал Нарайяна.

– Если ты так хорошо знаешь тайные думы наших молодых девушек, так пособи ему в этом деликатном деле, – чуть насмешливо заметил Эбрамар. – С твоего позволения, Удеа, я лишь укажу тебе ту, которую считаю наиболее достойною; но, понятно, что ты сам выберешь подругу, способную залечить раны прошлого.

– Знаешь, учитель, а ведь хорошо, что у тебя нет дочери; иначе можно было бы заподозрить тебя в желании выгодно пристроить ее за нашего таинственного и молчаливого собрата, – сказал Нарайяна, смеясь и лукаво глядя в глаза Эбрамара.

– А мне глубоко жаль, что у Эбрамара нет дочери, а то я непременно выбрал бы ее, будучи уверен, что все исходящее от нашего бесподобного друга, приносит счастье, – ответил Удеа.

– И ты прав. Потому я и полюбил тебя с первого же взгляда, что заметил, как ты ценишь Эбрамара, – восторженно воскликнул Нарайяна, и в его больших черных глазах засветилось присущее ему увлечение. – Взгляни! Все мы, собравшиеся здесь, *его* духовные дети, так ска-

зать, создания нашего не имеющего равного себе учителя. Его привязанность, ученость, неутомимое терпение сделали нас тем, чем мы теперь стали; как одна семья, должны мы сплотиться около него, объединенные любовью и признательностью.

Со слезами на глазах схватил он руку Эбрамара и поцеловал. Тот быстро отдернул руку.

– Не дурачься, повеса, и перестань распевать мне незаслуженные похвалы. Какая заслуга со стороны отца, делающего все возможное для своих детей? Такая окрашенная своего рода эгоизмом и гордостью любовь, которая страдает, если не может помочь, вовсе не заслуживает восхваления. Но я думаю, любопытный, что затаенный смысл твоей речи заключается в желании узнать историю Удеа: какие обстоятельства наложили на него тяжкое, блестяще перенесенное им испытание.

– Ты читаешь в моем сердце, как в открытой книге, – о, лучший и пронизательнейший из отцов, – засмеялся Нарайяна. – Только любопытство мое не пустое, а является последствием моей к нему любви и убеждения, что между братьями и друзьями он может быть откровенен. Тем не менее, клянусь, друг мой, что при всем моем любопытстве я отказываюсь что-либо слышать, если только это может причинить тебе страдание, так как знаю, что тяжелые воспоминания мучительны даже для совершенного сердца мага, – прибавил он, крепко пожимая руку Удеа.

Тот поднялся и темные глаза его с нежностью взглянули на открытое и веселое лицо Нарайяны.

– Ты прав, брат, я не имею причин скрывать свое прошлое. Преступность моя достаточно доказана моим изгнанием и тяжким наказанием, а кому, как не вам, могу я охотно поверить историю моего падения и искупления.

Слава Неизреченному, мудрость и милосердие Коего преступника обратили в человека полезного, дав возможность развить и использовать все сокровища, вложенные Отцом Небесным в душу его создания. Правда, борьба и страдания – ужасны, но они одни в состоянии добыть богатства духовные, таящиеся в глубине человеческого существа, развить его слабый и невежественный разум, окрылить его сознательной волей и вооружить властью над стихиями. Добавлю к тому же, что именно в горниле испытаний, при постоянной смене борьбы и победы, образуется новое существо, начинающее понимать своего Творца, поклоняться Его неизмеримой мудрости и стремиться всеми силами души стать разумным исполнителем Его воли. Но прежде чем изложить вам, друзья, превратности моей жизни, замечу, что величайшим бедствием человечества, самым тяжким для людей испытанием, которое будит в них наиболее дурные инстинкты, толкает в пропасть и надолго задерживает их на пути к совершенствованию, это – **несправедливость**.

Ты прав. Но, увы, первая рождающаяся в человеке идея о справедливости имеет в виду не ту справедливость, которая обязывала бы его самого, а ту, которую он считает себя вправе требовать от других относительно себя, – с легким вздохом возразил Эбрамар.

– Это является следствием его слабости и несовершенства. Но каждое созданное Богом существо носит в душе ясное понимание божественного, непреклонного закона справедливости, и если нарушается этот закон, то жертва несправедливости возмущается, а в сердце ее закипает желчь вражды, жестокости, желание отмщения или возмездия. Из темной пучины существа всплывают все дурные страсти и превращают человека в демона. Я допускаю, что существа, уже развившиеся умственно в высших сферах, сознают, что закон Кармы обрушивается на них же в таком случае, и потому терпят молча, но на низших ступенях восхождения дело обстоит иначе. Простой первобытный человек питает непоколебимую веру в свои человеческие права, о чем говорит ему неподкупный голос инстинкта, и нравственная порча начинается с убеждения, что закон справедливости нимало не ограждает слабого от притеснений его сильным. В несправедливости таится корень всех переворотов и смут, с нее начинается упа-

док народов, неизбежно вызываемый законами, тождественными с теми, которые управляют Вселенною вообще.

Попробуйте нарушить химические или космические законы, и тотчас наступает разложение, потому что является беспорядок; а восстановить правильное соотношение составных частей, т. е. порядок, можно лишь упорной борьбой. Элементы действуют в полном согласии, и равновесие сохраняется лишь при том условии, когда каждый атом исполняет свое назначение и содержится в определенных дозах. Несправедливость же – начало враждебное; она нарушает гармонию, губит целые нации и населяет мир существами демоническими.

Извините, братья, за это неожиданное отступление, но я увлекся тяжелыми воспоминаниями. Дело в том, что несправедливость послужила основанием моих преступлений и страданий, – закончил Удея, едва сдерживая волнение.

Родился я сыном могущественного царя по имени Пуластия, был наследником трона, богато одарен природой, но вспыльчив, горд до крайности, строптив и чрезмерно честолюбив. Я обожал свою мать, женщину кроткую и прекрасную; ей я обязан всеми зародышами добра, заложенными в моей душе. Моя мать не была счастлива в супружестве. Раздражительный, развратный и грубый до жестокости, царь не ценил дарованное ему сокровище, ибо мать была безупречной нравственности, обаятельно хороша собою и обладала развитым умом. Я был ее единственным ребенком и нечего говорить, что она любила меня всеми силами души.

С отцом, наоборот, я был в плохих отношениях. Он не любил меня и давал это чувствовать; за малейшую детскую шалость он меня жестоко наказывал, и зачастую я бывал просто козлом отпущения в минуты его скверного настроения. Такая несправедливость, а позже и многое другое, о чем скажу дальше, посеяли в моем сердце злое, почти враждебное чувство.

У отца был еще побочный сын, моложе меня, от служанки из свиты моей матери, и его он слепо любил. Какими чарами Суами – так его звали – покорило сердце отца, я не мог понять, потому что был он безобразен, угрюм, скрытен и зол. Меня он ненавидел, завидуя положению наследника престола, и ухитрялся вытворять разные гадости, искусно навлекая на меня подзрения отца, что влекло за собой тяжкие наказания. Помимо этого, если Суами завидовал мне как царевичу-наследнику, то отец завидовал моей популярности среди народа, благодаря доброте моей к наиболее бедным из моих будущих подданных, оказываемой им помощи и старанию загладить зло, причиняемое многочисленными несправедливостями и беззакониями царя, для которого не существовало иного закона, как его воля или прихоть. Сам я всеми силами старался быть справедливым, потому что мать внушала мне с раннего детства, что **справедливость** – первая добродетель государя.

Тяжелое положение при дворе, созданное глухой враждой отца и затаенной злобой Суами, все более обостряло мою вспыльчивость, и чтобы быть дальше от всяких неприятностей, я стал страстным охотником, посвящая вместе с тем много времени изучению оккультных наук, преподававшихся в нашем главном храме. Впоследствии я понял, что это были едва лишь азы великой науки; но эти клочки знания возбуждали во мне огромный интерес, и я жадно стремился к таинственной власти сокровенной науки, могущество которой я смутно предчувствовал. Когда мне минул уже двадцатый год, советники царя стали настаивать на моей женитьбе, и скрепя сердце отец завел переговоры с соседним владетельным домом.

В то время я путешествовал по одной из наших отдаленных областей и развлекался охотой в горах. Будучи ловок и смел, я не знал страха и любил пускаться один в самые опасные предприятия. В тот день мне не везло; хотя я и ранил зверя, за которым гнался, но он, прежде чем околоть, собрался с силами, бросился на меня и укусил в плечо, а когтями разодрал мне руку. Я потерял много крови, лишился сознания, ослабел и заблудился, так как наступила ночь. Было положительным чудом, что хищные животные не растерзали меня; явная опасность и придала мне силы. Начинало уже светать, когда я увидел в уединенной, окруженной горами

долине большое, видимо, обитаемое здание, к которому я и поплелся, напрягая последние силы.

Оказалось, что в этом убежище, затерянном в горах, проживала небольшая женская община, посвятившая себя богине, культ которой напоминал культ Весты. Все они дали обет непорочного девства, поддерживая священный огонь, а остальное время посвящали молитве и оккультным наукам. В соседней пещере жил ученый старец, руководивший их занятиями. Здесь меня радушно приютили и ухаживали за мной, не спросив даже, кто я; а старый ученый оказался прекрасным врачом, и раны мои быстро залечились. Женщины общины большей частью были стары, но попадались молодые и хорошенькие, а одна из них, Вайкхари, была ослепительной красавицей. Я безумно влюбился в нее и, несмотря на ее сдержанность, решил жениться на ней. Поспешно вернулся я домой и объявил отцу, что женюсь только на Вайкхари и ни на ком другом.

Сначала он рассмеялся мне в лицо; но, слушая мое восторженное описание красоты молодой девушки, задумался, а потом объявил, что отправится вместе со мною в общину просить Вайкхари мне в супружество. Я был совсем счастлив, и мы выступили в поход в сопровождении многочисленной свиты и большого отряда войск.

Мы расположились станом неподалеку от общины, и отец отправил одного из советников с предложением. Старый жрец-врач сам явился сказать царю, что юная жрица дала обет служения божеству и должна оставаться при храме, но отец был не таков, чтобы подчиняться чужим доводам, и потребовал личного ответа от Вайкхари. Она пришла, расстроенная и встревоженная, умолять царя не вынуждать нарушать клятву, данную богине, но тот решительно ответил, что если она откажется быть моей женой, он уничтожит храм со всеми его постройками, а жителей всех обезглавит.

Тогда перепуганная Вайкхари побежала в храм молить богиню освободить ее и спасти сестер. Говорили впоследствии, будто в то время, как жрица приносила жертву на престоле богини и совершала воскурения, вознося мольбы к божеству, из пламени появилась белая голубка, на минуту присела на плечо молодой девы и затем упорхнула; вместе с тем железный браслет, носимый жрицею на руке в знак посвящения, отстегнулся и упал на землю в доказательство того, что богиня ее освободила.

Затем Вайкхари последовала за нами в город, и я был наверху блаженства, но, увы, не знал, что моя и матери гибель была решена уже в жестоком сердце отца, который страстно влюбился в мою невесту.

Добрая мать приняла Вайкхари как дочь, шли спешные приготовления к торжественному празднованию моей свадьбы, как вдруг накануне дня бракосочетания меня поразил страшный удар: мать нашли мертвой в постели. Ее ужалила змея, притаившаяся, как полагали, в цветах, принесенных для украшения комнаты. Я был в отчаянии, и свадьбу отложили до окончания траура, т. е. месяца на три. Тяжелое это было для меня время, но я еще сильнее привязывался к Вайкхари, которая разделяла мое горе, утешала и, по-видимому, проникалась ко мне любовью. Отец был мрачен, задумчив, мало говорил со мной и развлекался уединенными охотами, приказывая иногда и мне сопровождать его. Суами же, наоборот, положительно не отставал от меня и невесты; я сознавал, что он нас выслеживал, и его ни перед чем не останавливавшееся упорство бесило меня.

Приближался конец траура, и мне пришлось однажды опять сопровождать отца на охоту; он был мрачнее и молчаливее обычного, явно выбирал наиболее уединенные дороги и самые крутые, опасные тропинки.

Я молча следовал за ним, как вдруг заметил стоявшую на обрыве дикую козу. Я указал на нее отцу, а сам, подойдя к краю тропинки, натянул лук, но в ту же минуту получил сильный удар в спину, зашатался, потерял равновесие и полетел вниз, затем уже ничего не помнил...

Очнувшись, я увидел, что лежу в расщелине, окруженной скалами; земля вокруг была покрыта густым мхом, что, вероятно, и ослабило силу удара при падении. Тем не менее, я разорвал одежду о камни, тело было покрыто синяками и царапинами, а в спине ощущалась страшная боль.

Трудно описать мое душевное состояние при сознании, что родной отец хотел убить меня! В ту минуту я подумал, что он хлопотал о короне для Суами, и в душе зародилась ненависть к обоим. Однако я не умер, и чувство самосохранения вынудило меня искать спасения. Прежде всего я убедился, что кинжал остался в ране, и не хотел вынимать его, чтобы не истощить свои силы еще большей потерей крови. Ползая вокруг небольшой площадки, на которой лежал, я открыл тропинку, зигзагами поднимавшуюся на вершину. Не пытаюсь и описать, с какими усилиями и мучениями взбирался я по ней; минутами я слабевал, потом карабкался снова. Наконец я добрался до другой, более просторной площадки и с великой радостью увидел журчавший родник, вытекавший из скалы. Меня мучила жажда, и я с наслаждением напился хрустальной, холодной воды, но силы мои истощались, и я потерял сознание.

Открыв глаза, я увидел, что нахожусь в обширной пещере, слабо освещенной приделанным к стене факелом. Лежал я на постели из мха и листьев, прикрытых шерстяной тканью; какой-то старец, стоя около меня на коленях, растирал мои виски и лоб живительной ароматической эссенцией. Я чувствовал себя относительно лучше. Рана моя была перевязана, и я не так страдал; но все тело горело, а голова словно готова была расколоться. Только впоследствии узнал я, что жизнь моя несколько недель висела на волоске. Когда опасность наконец миновала, слабость была так велика и силы настолько истощены, что я не мог шевельнуть пальцем, и выздоровление шло очень медленно.

Добрый старик, по имени Павака, продолжал ухаживать за мною, как нежный и любящий отец. Часто и подолгу рассматривал я его, дивясь, что несмотря на белоснежную голову и бороду, на его бронзовом лице не было морщин, а глаза горели, как у юноши.

Разумеется, меня более всего заботила моя собственная судьба. Я представил себе, какой переполох вызовет мое появление, так как меня считали, конечно, погибшим. Намерением моим было отправиться в ближайший от столицы город, собрать жителей и рассказать всю правду. Я был уверен, что народ восстанет на мой призыв свергнуть отца и осудить его. Но, помимо жажды мщения, меня пожирало и желание увидеть Вайкхари. Однако силы и здоровье не возвращались, и я кашлял кровью, испытывая вместе с тем мучительную острую боль в спине и груди.

Однажды, совершив при помощи Паваки небольшую прогулку и вернувшись в пещеру совершенно обессиленный, я спросил своего спасителя, когда же, наконец, я выздоровею, так как сгораю от нетерпения поскорее уехать.

Павака покачал головой, дал мне выпить чего-то прохладительного и сказал:

– Друг мой, ты – мужчина, и я полагаю, что настало время тебе открыть истину. Ты не выздоровеешь никогда, потому что повреждены внутренние органы и по естественному ходу недуга твоего осталось тебе жить месяца два-три, не более.

Увидав мой ужас и кровь, выступившую от потрясения у меня на губах, он прибавил, пожимая мою руку:

– Не отчаивайся. Существует средство излечить тебя, вернуть прежнее здоровье и дать очень долгую жизнь, но средство это можно получить только путем жертв.

– Каких жертв? Я принесу все, самые великие, только бы выздороветь.

– Прежде всего, ты должен отказаться от всего, что осталось в мире.

– Этого я не могу, почтенный Павака. Я – наследник большого царства и жених страстно любимой женщины, которая так же любит меня и, наверное, оплакивает, как умершего. Отказаться от нее мне тяжелее, чем от самой жизни.

Павака с грустью и сожалением посмотрел на меня.

– В этом отношении у тебя нет более надежды. Вот уже несколько недель, как Вайкхари – супруга Пуластия и...

Я не дослушал до конца его речь. Мне казалось, будто меня ударили молотом по голове и в то же время огненный меч пронзил грудь; я словно полетел в мрачную бездну и лишился чувств.

Только недели через две открыл я глаза, слабый и разбитый, но в полном сознании и ясно помня обо всем произошедшем. В душе моей бушевал ураган; но Павака не позволял мне подолгу задумываться, а давал успокоительные средства, повергавшие меня в почти непрерывный сон, и от этого силы мои укреплялись.

Однажды, чувствуя себя крепче обыкновенного, я взял руку старца и сказал:

– У меня большая просьба к тебе, Павака. Ты – великий ученый, так дай лекарство, которое вернуло бы мне силы хотя бы на несколько недель, потому что жить я не стремлюсь, а хочу только отомстить чудовищу, разбившему мою жизнь, лишившему всего, что было мне дорого; он убил мою мать, в чем я убежден, и похитил невесту.

Я собрался рассказать мою историю, но оказалось, что Павака уже знал все, а на мои слова неодобрительно покачал головою.

– Чудовище это – твой отец, а мщение людское – пустое ребячество, поверь. То, о чем ты просишь, я не в силах исполнить, а могу или вернуть здоровье и дать очень долгую жизнь, или оставить тебя здесь умирать. Но обдумай все хорошенько, прежде чем выбрать то или другое. Предположим, что я согласился бы на твою просьбу, и ты добрался до столицы, а затем свергнул с трона и убил отца – что ты выиграешь? Кратковременное, в течение нескольких месяцев царствование, отравленное при том угрызениями совести и горем да еще на глазах женщины, которой ты не можешь больше обладать. Если же, наоборот, ты добровольно преодолеешь пустое тщеславие, откажешься от мимолетной власти и от женщины, отделенной от тебя бездной, – то закрепшишь за собой взамен того жизнь на сотни лет, неувядаемую молодость и красоту, а сверх того перед тобою распахнутся двери храма науки. По твоей ауре я вижу, что у тебя могучий и энергичный ум; значит, ты можешь достичь таких познаний, которые вооружили бы тебя чуть не безграничным могуществом. Вместо властвования над глупой и неблагодарной толпой ты будешь повелевать стихиями и распоряжаться самой природой, станешь царствовать над полчищами существ, которые будут твоими верными слугами, исполнителями всех твоих повелений.

Павака ушел, сказав, что предоставляет на свободе взвесить и обсудить мое решение; но энергичная натура помогла быстро победить мою нерешительность. Впервые после ранения хладнокровно обдумал я свое положение. Физическое состояние мое указывало, что земная плоть начинает разлагаться, а смерть, признаюсь, меня страшила; между тем предлагаемое таинственное будущее было заманчиво. О чем же мне было сожалеть в мире, если Вайкхари безвозвратно потеряна? Когда вернулся Павака, я объявил ему о намерении отказаться от земного величия, чтобы сделаться адептом и всецело отдаться науке.

Я не понял тогда загадочной усмешки, скользнувшей по лицу старца; ответил же он, что желание мое исполнится, и как только я принесу клятвенное обещание, мне дано будет лекарство, которое меня излечит.

Он помог мне встать, отворил бывшую в глубине пещеры дверь, закрытую камнем и державшуюся на невидимых петлях, а затем ввел меня в обширную пещеру, о существовании которой я даже не подозревал. Нежный голубоватый свет озарял ее, а в глубине, на высоте нескольких высеченных в скале ступеней, стоял стол, покрытый сотканной из золотых нитей скатертью.

На этом своего рода престоле стояли два семисвечника с красными свечами, а между ними большая, увенчанная золотым крестом чаша и металлический ящичек, сверкавший дра-

гоценными камнями. На стоявших по обе стороны треножниках курились благовония. У входа был водоем, куда впадал ключ, бивший из скалы.

Павака приказал мне раздеться и окунуться в воду, что я с трудом мог исполнить; а потом он натер меня ароматной эссенцией и облачил в длинную белую тунику.

Я почувствовал, что удивительно окреп, хотя был еще очень слаб; но Павака поддержал меня и подвел к престолу, на первой ступени которого я и опустился на колени. Затем, открыв металлический ларец, он достал из него флакон, хрустальную чашу, наполовину наполненную водой, и золотую ложечку. Из флакона он налил несколько капель в чашу, причем жидкость словно вскипела и поднялся красный, испещренный огненными лучами пар. Тогда Павака заставил меня принести клятву, которую я повторял с трудом, потому что был слаб, как перед смертью; после этого он приказал мне выпить чашу.

Кружась в волнах огня, я потерял сознание, и этот сон, или летаргия, тянулся, должно быть, очень долго – сужу об этом по тому, что я за это время совершил, как оказалось потом, очень длинное путешествие, и, очнувшись, оказался в одном из далеких гималайских уединенных дворцов, где адепты проходят свое первое посвящение.

Павака сказал правду. От смертельной моей болезни не осталось и следа; я был здоров и силен как никогда и тотчас начал свое послушание. Работал я с неутомимым рвением, и учителя изумлялись моим успехам. Мужественно выдерживал я испытания, которые должны были расширить мои познания, дисциплинировать мою волю и побороть слабости. Я пристрастился к тайнам, которые постигал, и упивался приобретаемой оккультной властью. А время между тем незаметно текло мимо меня.

После блестяще выдержанного тяжелого научного искусства меня наградили первым лучом венца мага, а затем, после некоторого отдохновения, наставники объявили, что настало время приступить к испытанию, соответствовавшему моему званию, и отправиться пророком в далекую страну, чтобы проповедовать начала добра и поднять нравственность народов, погрязших в пороках.

Старейший из магов задал мне обычные вопросы: чувствую ли я в себе достаточно сил претерпеть бедствия и унижения, воздавая добром за зло и платя прощением и любовью за обиды и неблагодарность, а в надлежащем случае запечатлеть своей кровью истину проповедуемого учения, никоим образом не выдавая, кто я и что мог бы совершить. Не задумываясь, я ответил, что принимаю испытание и надеюсь достойно выполнить его.

Увы! Я не отдавал себе тогда отчета в тщеславности моего ответа; я был слеп относительно своих слабостей, воображая себя неуязвимым и стоящим на высоте моего назначения...

Удея с минуту молчал и провел рукою по бледному лбу; на устах его застыла презрительная, горькая усмешка.

– Безумен был я, – продолжал он, оправившись. – Несмотря на свою ученость, я не понимал, что человеческое стадо – самая мятежная и неукротимая из стихий, и что властвовать над людьми силой добра – это самое тяжелое и сложное из магических деяний. В спокойной, гармоничной атмосфере ученья я забыл, какую, силу сопротивления, злобы и порочности заключает в себе человеческое сердце, что легче укротить стадо диких зверей, нежели толпу двуногих, испорченных, жаждущих наслаждений, жестоких и гордящихся тем, что они «люди» и сделали будто бы огромный шаг, отделяющий их от животного; а между тем они сохранили все звериные инстинкты и только сбросили узду, которую природа налагает на низших существ. Своим чванством, двуличностью, неблагодарностью, алчностью и холодной жестокостью человек превосходит всех животных. Слепленный самомнением, я не представлял тогда грозившей мне опасности; по своему тщеславию я считал себя способным укротить других и себя.

Наставники были, казалось, огорчены, и Эбрамар с грустью посмотрел на меня и шепнул:

– Брат, попроси себе отсрочку, укрепись горячей молитвой в уединении и безмолвии, готовясь к своей высокой задаче. Не пренебрегай грозящей тебе опасностью! Посвященному

эта необходимость соприкасаться с толпой и дышать ее заразным дыханием грозит страшной борьбой. Повремени вступать в сношения с людьми, пока не будешь вполне уверен в победе.

Ох! Если бы я послушался мудрого совета! Но, нет! Считая, что он вызван излишней осторожностью, я не хотел дольше ждать, стремился скорее подняться по иерархической лестнице и отправился...

Как-то ночью один из высших магов доставил меня в далекую страну, где мне предстояло работать, поместил в пещеру и сказал:

– Местопребывание твое пустынно, но в нескольких часах ходьбы расположен большой город, где в настоящее время множество больных и одержимых, которых ты излечишь, чтобы привлечь к себе внимание и воспользоваться случаем начать проповедовать.

На заре я тронулся в путь. В окружавшей картине что-то показалось мне знакомым; но занятый своими мыслями, я не обратил на это внимания и достиг долины, где, утопая в садах, раскинулся громадный город. Но едва прошел я несколько улиц, как остолбенел.

Передо мной возвышался большой и прекрасно знакомый мне храм, – главная святыня моей родины. Сколько раз всходил я по этим ступеням, присутствуя с отцом на каком-нибудь религиозном торжестве. Тут предстояло мне царствовать и, значит, меня послали поучать мой собственный народ. От волнения и умиления на глазах выступили слезы; все во мне трепетало, и нахлынули тысячи воспоминаний.

Но долго раздумывать мне не пришлось. Из ближайшего дома выбежали и принялись скакать мужчина и женщина; едва прикрытые лохмотьями, растрепанные, с пеной у рта, с искаженными судорогой лицами, они дико вопили и вообще были отвратительны и страшны. За ними следом бежали люди, пытавшиеся остановить их. Эта картина мгновенно напомнила возложенную на меня задачу и повеление наставников.

Забыв только что пережитое волнение, я поднял руку, и оба одержимые как вкопанные застыли на месте. Тогда я подошел к ним, сделал пассы, произнес заклятия, изгонявшие вселившихся в несчастных бесов, и мне удалось освободить их.

Вокруг нас собралась толпа, и, увидав, что к больным вернулся рассудок, несколько человек приблизились ко мне и почтительно, хотя и с примесью суеверного страха, рассказали, что в городе свирепствует убийственное, буйное помешательство. Страшная болезнь поражает и старых и молодых; в припадке иступления они душат всех, кто попадет, на улицах проделывают всякие безобразия, а через некоторое время умирают в ужасных мучениях. Но хуже всего было то, что болезнь оказывалась заразной, и часто те, кто хотел удержать больных, сами становились жертвами такого же безумия. Поэтому царь повелел хватать каждого, у кого обнаружатся признаки такого недуга, и водворять в особого рода становище за городом, оцепленное так, чтобы никто из посторонних не мог туда попасть.

Я приказал отвести меня туда и, признаюсь, было очень трудно изгнать полчища ларвов и других нечистых духов; но спустя несколько часов мне это удалось.

После этой победы над тьмой я произнес проповедь, в которой пояснил, что причиной болезни служили преступления, безобразия и развращенность народа. В заключение я сказал, что меня можно найти в пустынной долине, в пещере, где находится источник, и надо туда приводить больных.

Я вернулся к себе в тяжелом душевном состоянии. Лавиной нахлынули воспоминания, прошлое оживало, словно все это было только вчера, и всецело захватило меня; но все-таки я боролся, стараясь исполнять свой долг. Я излечивал самых безнадежных больных и поучал все возрастающую, осаждавшую мое убежище толпу; но в город не ходил, боясь производимого им на меня впечатления.

Так дни проходили в изнурительной работе, а ночи были сплошной пыткой, ибо прошлое все более овладевало мной. Я знал теперь, что около трех веков минуло со времени моего исчезновения, но царствовал еще наш род. Узнал я также, что Вайкхари умерла, произведя на

свет дочь, вышедшую впоследствии замуж за соседнего царя, а Пуластия скончался в глубокой старости и оставил трон Суами; относительно меня предполагали, что я погиб, упав в пропасть.

Теперешний молодой царь назывался также Пуластия, как и мой отец, да и характера был, как говорили, жестокого и горячего; в данное время он предполагал жениться на замечательно красивой, по словам рассказчиков, принцессе, родственнице.

Узнав, что готовился торжественный въезд в столицу невесты, я захотел непременно видеть обоих нареченных, занимавших место, когда-то по праву принадлежащее мне.

Весь город был настроен по-праздничному. Несмотря на завоеванную уже мною популярность, в этот день внимание толпы было поглощено другим, и единственное оказанное мне отличие состояло в том, что мне отвели место в первом ряду у царского дворца.

Вскоре показалось шествие. Лицо царя было мне как будто знакомо, но вид сидевшей в открытой колеснице невесты, осыпанной драгоценностями, произвел на меня потрясающее действие, и я глухо вскрикнул. Это был живой портрет Вайкхари.

Восклицание мое услышал царь, с удивлением повернувший голову в мою сторону и надменно взглянувший на меня. Взгляды наши встретились, и в этот миг я узнал его глаза! Для просвещенного взора мага тайна прошлого раскрылась: передо мной был мой прежний и ныне перевоплощенный отец...

Минуту спустя шествие исчезло внутри дворца, а я поспешил смешаться с толпой и отправился к себе в пещеру.

Наступившая ночь была для меня ужасна. В какие-нибудь несколько часов рухнула спокойная гармония мага, а из неизведанных недр моего существа порывисто всплывали веяния страстей, которые я считал побежденными и забытыми. С головокружительной быстротой оживал во мне прежний человек, поглощая собою и потопляя адепта, а в сердце забилося тщеславное, жгучее желание занять трон отцов, царствовать над уже любившим меня народом; воскресла и моя страсть к Вайкхари. Минувшие века словно исчезли; я жил воскресшим во мне прошедшим, а в душе бушевал настоящий ураган при мысли, что убивший меня и похитивший невесту будет снова упиваться страстью, обладая живым воплощением Вайкхари. Точно я не мог быть любимым? Я был красивее и могущественнее моего соперника, все преимущества которого заключались только в его титуле и богатстве. Мною обуюло непреодолимое желание сменить грубую власяницу целителя на пурпуровое одеяние и царские драгоценности, чтобы завладеть сердцем красавицы невесты.

Одурманенный бушевавшими во мне нечистыми чувствами, я не видел кишевших вокруг меня служителей Сармиэля, но тем не менее внимал их лукавым речам, внушавшим мне:

– Осуществление твоих желаний – неотъемлемое твое право! Встреча с убийцей, забывшим все отеческие обязанности, представляет закон Кармы, которая поразит преступника рукой его жертвы! И кто помешает тебе, став затем царем, творить и проповедовать еще больше добра, сеять веру в Божество, исцелять и исправлять свой народ? А насколько сильнее будет твое обаяние, если ты будешь царем, а не каким-то нищим, который бродит лишь среди черни?

...

В моем воображении вставали соблазнительные картины величия, славы и любви.

Обливаясь потом, с трепетавшим сердцем, с бушевавшими во мне чувствами, я еще слабо боролся с искушением, но не воззвал к учителям своим и покровителям, боясь, чтобы они не воспретили пользование моей властью. И ничто не прервало моего безумия, я оставался полным хозяином своих поступков и оккультного могущества. Последние сомнения быстро рассеялись, и когда первые лучи солнца озарили небо, план мой уже созрел, а невидимая сила, которая должна была выполнить мои намерения, уже была пущена в действие. Грустное предвидение Эбрамара оправдалось. Я был не в силах бороться с отравленным веянием пробудившихся в душе страстей; я был грозным чародеем, большим ученым, но мне недоставало духовной сути настоящего пророка, который жертвует жизнью за провозглашаемую им истину.

Наутро Пуластия занемог. Все тело его болело и в несколько часов покрылось нарывами и ранами, а так как обыкновенные лекарства не помогали, то к больному пригласили меня. Толки обо мне уже дошли до двора и возбудили любопытство царевны, кроме того, младшая сестра ее с детства страдала падучей, а поэтому и та хотела повидать меня.

Для посещения дворца я облачился в длинную белую тунику, подпоясанную простым серебряным кушаком, а на голову надел кисейную чалму. Я знал, что был красив, и по глазам принцессы увидел, что покорила ее сердце.

Я вылечил сестру царевны и Пуластия, но сурово напомнил царю многие его злодеяния и несправедливости, никому не известные; вместе с тем я объявил, что эти поступки и являются причиной его болезни, а потому для излечения он должен искупить свою вину покаянием и удалиться дней на тридцать в храм за городом. Вzbешенный и напуганный, Пуластия подчинился, а я со злобной радостью смотрел, когда он покидал дворец, куда ему не суждено уже было вернуться. Путь к трону теперь был свободен, и я не колеблясь принялся за покорение страны, которую пришел нравственно спасти и обратить к Богу, а для начала разверз всякого рода бедствия.

Появилась повальная болезнь, которую я излечил, потом я усмирил ураган, причем показывался обезумевшей от ужаса толпе окруженный огнем и молниями; наконец, я вызвал ужасное наводнение, так что воды залили столицу с окрестностями, и тогда Пуластия утонул. Во время этого последнего бедствия я появился на бушевавших волнах, окруженный пламенным ореолом, полчищами стихийных духов, и заклинал воды, которые вошли в берега, покорные моей воле.

Народ считал меня богом и предложил корону, а в супруги – невесту покойного царя. Я согласился, и свадьба с коронацией совершилась с неслыханной пышностью. Жена обожала меня, народ почитал, а я, опьяненный любовью и властью, был горд и счастлив.

Благодаря магической науке, баснословное плодородие обогащало страну, возбуждая зависть и вражду соседей. Но вместо того чтобы с помощью моего знания успокоить дурные чувства, а облагодетельствовать и другие народы, я решил наказать их за дерзость и зависть, которые они осмелились мне выказать. О! Я уже далеко ушел по пути зла.

Завязалась опустошительная война. Один из враждебных мне царей был пленен и казнен по моему повелению, а страна его присоединена к моей; но со вторым противником удача мне изменила, и моя армия понесла такие потери, что полное поражение становилось неминуемым. Я принял личное участие в боях и сражался ожесточенно. Опьяненный кровью и бешенством, я решил призвать на помощь все свое магическое могущество и принялся оживлять солдат, излечивая раненых, а в мертвых воплощая ларвов и демонических духов, которые усердно помогали мне в этом преступном деле. И эти своеобразные полки добыли мне победу. Как разрушительный ураган прошел я с войском по всей покоренной стране, объявил ее присоединенной и, нагруженный огромной добычей, вернулся в столицу, захватив с собою пленного царя-врага.

После этой победы, одержанной при помощи сил зла, я пристрастился к черной магии, тем более что в душе появились опасения возмездия наставников за уклонение от предначертанного ими для меня пути. Стороживший мое падение Сармиэль ловко использовал безумное увлечение, помогая мне в изучении зла через слуг своих. Наконец, у меня с ним произошло свидание, причем был заключен договор, в силу которого князь тьмы обязывался помогать мне во всех начинаниях и отдавал в мое распоряжение мрачные полчища своих служителей, а я, со своей стороны, брал на себя обязательство не мешать «глупыми» предписаниями магов захвату душ для пополнения армии зла.

Напрасно жена умоляла меня помиловать пленного врага и отказаться от новой задуманной мною войны, я не хотел ничего слушать. Я обнаглел, чувствуя свою безнаказанность, и был упоен своим оккультным могуществом, воздаваемыми мне почестями, гордым сознанием,

что утроил территорию своего царства и, наконец, благодарностью народа, провозгласившего меня гением за то, что я совершил столь великие подвиги почти без потери людей.

У меня родился второй сын, и я решил отпраздновать это счастливое событие, а вместе с тем и блестящее окончание последней войны большим торжеством во дворце и всенародными увеселениями. В день этого праздника ко мне собрались все знатные особы: придворные, городские и военные; а на площадях и в дворцовых дворах угощали народ и раздавали подарки.

Во время пира небо вдруг покрылось черными тучами, засверкали молнии и гром заглушал пение и музыку. Гости уже порядочно выпили, да и я также отдал дань, более чем следовало, крепкому, рекой лившемуся вину. Гроза, нарушавшая наше веселье, взбесила меня; я встал с намерением заклясть бурю и вместе с тем еще раз перед всеми явить свою власть над стихией. В этот миг молния пожаром озарила залу. Я ощутил в груди острую боль, а поток пламени объял меня, и бурный ветер подхватил, завертел, как сухой лист. Наконец на мою голову словно обрушился удар молота, и я лишился сознания...

## Глава четвертая

Придя в себя, я увидел, что очутился в полутемном месте и от слабости не мог ни шевельнуться, ни думать. Понемногу, однако, мысль начала работать, глаза привыкли к сумраку, и я понял, что лежу в большом подземелье на постели из мха и укрыт шерстяным одеялом. Ни окна, ни двери не было, и только с потолка струился слабый зеленоватый свет. С одной стороны был каменный водоем, куда вливался тонкой струйкой бивший из стены ключ; по другую сторону виднелись скамья и каменный стол, на котором стояли глиняная кружка и чашка; рядом лежал хлеб.

Я был в темнице, но где? По какому случаю? Но беспорядочные мысли не давали ответа, и я в изнеможении уснул.

Пробуждение было тяжелое. Память вернулась, и я понял, что учителя, будучи не в состоянии более терпеть мои преступления и злоупотребления, поразили меня и заточили. Каким бы негодяем я ни оказался, я все же пребывал членом братства и подлежал суду. Холодный пот выступил у меня на лбу.

Не знаю, сколько времени продолжалось это безумное отчаяние, но вредоносные, исходящие из моей души миазмы сгустились и наполнили темницу мою зловонным запахом, а тело мое покрылось язвами и ранами. Телесные страдания были так ужасны, что порой перебивали душевные.

Наконец когда однажды я катался таким образом в своем логовище в жестоких мучениях, в первый раз пришел на помощь мне Эбрамар, и дружеский голос его шепнул мне на ухо: «Молись, Удеа, кайся, очисти себя смирением; иначе ты не сможешь явиться перед своими судьями. Неужели всякое искупление не лучше этой бездеятельности, которая создает беспорядочные мысли и возбуждает страсти?».

Поток света, которым меня обдало, невыразимо облегчил меня, а сознание, что остался еще один не покинувший меня друг, привязанность которого отыскала меня и в темнице, вызвало переворот в измученной душе.

С горевшим взором и трепетом сердечным увидел я, как поток света сгустился в сияющий крест, который осенил каменный водоем. Таинственный символ вечности и искупления озарял мою темницу мягким голубоватым светом, а лучи его испускали благоухание и живительное тепло. У меня еще сохранилось представление о непобедимом могуществе этого знака, который посвященный называет печатью Всевышнего, и вдруг во мне проснулось непреодолимое желание укрыться под сенью креста, чтобы вновь обрести мою прежнюю чистоту, и я потащился к водоему. Я дрожал от волнения, как в лихорадке; наконец слезы брызнули из глаз и я, совершая поклоны, зашептал молитву.

С этого часа я уже непрерывно молился. Каждый день я омывался в водоеме, и всегда при этом из тела моего исходило липкое и зловонное вещество. Мало-помалу боли прошли, как и тяжесть тела, а я становился все легче, и мне было свободнее сосредоточиться на молитве. Вместе с тем меня все более терзали укоры совести в том, что я допустил такое пагубное ослепление страстями.

Однажды, когда я плакал и молился, прося милосердного Творца простить меня, послышался отдаленный колокольный звон, и сердце мое замерло. Мгновенно появилось во мне убеждение, что колокола эти призывают меня на суд, а минуту спустя я почувствовал, что отделяюсь от земли и медленно всплываю под своды. Там, где раньше я видел зеленоватый свет, оказалось отверстие достаточно широкое, чтобы пропустить меня. Лишь только миновал я его, как очутился в длинном сводчатом коридоре, и в конце его виднелась дверь, к которой я и направился, влекомый неведомой силой, а отверстие закрылось.

Дверь сама бесшумно распахнулась, и передо мною оказалась знакомая галерея одного из наших храмов посвящения; а колокола продолжали между тем уныло звонить, точно на погребении. В галереях находились два знакомые мне адепта; взволнованные, грустные, со слезами на глазах, сняли они с меня мое истрепанное одеяние и облачили в черную тунику, подпоясанную белым кушаком, дали в руку горевшую красную свечу и по темному узкому коридору повели к двери, завесу которой приподняли, а сами поспешно удалились.

С тяжелым сердцем и тоской в душе остановился я в нескольких шагах от входа. Очутился я в той именно зале храма, которая называлась судилищем. В глубине полукругом восседали мои бывшие наставники, великие маги и иерофанты. В качестве мага, удостоенного уже первого луча, я мог быть судим лишь магами высших степеней, а потому остальная часть залы была пуста. Глаза всех смотрели с грустью, но строго; а меня охватил вдруг такой стыд и отчаяние, что колени невольно подогнулись, свеча вывалилась, и я обеими руками закрыл лицо, по которому лились горькие слезы.

Никогда так ярко, как в эту минуту, не сознавал я свою вину и глубину моего падения.

– Встань, несчастный. Сердца наши обливаются кровью, видя склоненную во прахе голову, уже украшенную лучом светлого знания, – сказал мне один из высших магов. – Но самое ужасное для тебя, Удеа, как и для нас, это то, что мы не можем оставить тебя в своей среде. Преступления твои как мага ужасны, а ты располагаешь слишком могучим знанием, чтобы можно было разрешить тебе смешаться с толпой, и твое злоупотребление властью, к сожалению, доказало это.

– У меня нет больше знаний. Я более невежествен и слеп, чем любой из смертных, – с горечью прошептал я.

– Пришлось лишить тебя возможности вредить до тех пор, пока не решится твоя участь. Теперь минута эта настала, но мы не желаем, чтобы твой громадный труд пропал бесследно. Несмотря на заблуждения твои и падение, *ты* дорог нам, и мы хотели бы, чтобы ты шел по пути раскаяния и очищения, добровольно подчиняясь нашему решению. Заурядные люди видят в приговоре судьи как бы отмщение за попранные законы, а на самом деле это только способ исправления.

– Я подчиняюсь вашему решению! – ответил я.

– Так выслушай, что мы постановили. Ты отправишься в иной мир, где мы и встретимся затем после крушения этой планеты. На той земле найдется много работы, а живущее там человечество еще близко к животному состоянию. Знание, облакающее тебя силой, послужит там только на добро, потому что ты не сможешь соблазнить низшее человечество, которое не поймет тебя. Но на тебя возлагается обязанность стать его просветителем; исполнением этого долга и трудом своим ты искупишь прошлое и восстановишь себя.

Не скроем от тебя, что испытание твое будет тяжким и работа исполинская, поэтому на твое усмотрение мы предлагаем и другой остающийся тебе выход.

Ты безвозвратно потерял право и возможность оставаться здесь как бессмертный и обладатель твоего страшного знания. Итак, если изгнание кажется тебе слишком жестоким и тяжелым, ты можешь умереть, но медленной и мучительной смертью. В таком случае ты примешь некоторое вещество, которое будет разлагать твое тело, клетка за клеткой, поглотит постепенно первичную материю и вполне обнажит астральное тело. По окончании этого разрушительного процесса ты перейдешь в пространство с тем, чтобы вновь родиться, но уже простым смертным, и затем, понемногу, путем ряда перевоплощений, отвоевать частицу своего нынешнего знания. Теперь выбирай!

Меня страшила мысль покинуть землю ради далекого неведомого мира; притом я не понимал во всей его полноте смысл приговора, ссылавшего меня на каторжные работы, да еще самые тяжкие. Другой же выход, грозивший потерей всего приобретенного мною знания и вечным изгнанием из братства, правом принадлежать к коему я справедливо гордился, показался

мне столь ужасным, что все было лучше его. Поэтому я предпочел без малейшего колебания искупить вину и восстановить к себе доверие путем тяжелого труда.

Маги приветствовали мое решение и были ко мне ласковы из жалости, которую внушает приговоренный на смерть. Мне дали некоторое время для отдыха и восстановления сил; вместе с тем я воспользовался обществом Эбрамара, который своим дружеским участием и влиянием поднял мой дух, утешил и придал мне мужества.

Наконец настал день моего отправления, и меня торжественно посвятили на будущий труд. Когда я преклонил колени перед Верховным магом, он благословил меня, помазав голову маслом, и окропил водой; в тот же миг из глаза великого иерофанта сверкнул молниеносный луч света и поразил мой лоб.

Неописуемое чувство охватило меня. словно что-то тяжелое и холодное спало с моего мозга: я вдруг осознал, что снова обрел все мое утраченное знание, и оно показалось мне даже яснее, могущественней прежнего. Я был так счастлив в ту минуту, что даже предстоявшее мне тяжелое искупление утратило свою горечь; с восторженной верой дал я клятву неустанно работать и быть послушным орудием воли Создателя.

Затем я простился с братьями-магами и адептами, а великий иерофант подал мне чашу с теплой жидкостью, которую я выпил. Эбрамар помог мне лечь на ложе, и я уснул, убаюкиваемый могучими звуками. Мне казалось, что музыкальные волны качают меня в воздухе, а потом я совершенно потерял сознание...

Очнувшись, я оказался в небольшой пещере, залитой бледно-голубоватым светом, сквозившим сквозь легкий пар. Голова была тяжела, руки и ноги словно застыли, и я не мог дать себе отчета, где нахожусь. Привстав, я осмотрелся, и тогда ко мне вернулась память, а сердце забилося сильнее. С любопытством, но и с горечью разглядывал я свое новое жилье и находившиеся там вещи, жалкие остатки блестящего прошлого.

В глубине пещеры находился престол с семисвечником, на нем хрустальная, увенчанная золотым крестом чаша, золотой магический крест, который великий иерофант имел при себе во время моего посвящения, и книга в металлическом переплете. На одной из стен были полки с лежащими на них свитками, рукописями и книгами, одним словом – библиотека, дававшая мне возможность, как я позднее убедился, продолжать занятия.

Посредине был большой каменный стол и такой же табурет, а на столе стояла лампа известного мне устройства; тут же стояли две большие шкатулки с кое-какой хозяйственной утварью, некоторыми инструментами и необходимыми туалетными принадлежностями, а также и с различными мелкими предметами роскоши, которыми по доброте своей снабдил меня уже Эбрамар. В сундуке, у стены, находилось все, что могло мне понадобиться для магических действий, как то: треножки, инструменты, травы, ароматы и различные снадобья.

В смежной пещере устроен был глубокий водоем, куда вливался струившийся из скалы источник, а рядом находилась каменная скамья и мховая постель, покрытая толстым одеялом. В двух больших сундуках хранилось платье: для работы – кожаное и из темной шерсти, а для религиозных церемоний было полотняное; был тут и теплый плащ с капюшоном, а также сандалии, кожаные и плетёные из соломы. На каменном столе около постели стояла моя хрустальная арфа и лежал большой, с печатью Великого иерофанта свиток, который я развернул и прочел следующее:

«Там, где ты находишься, сын мой, все – дико и необратимо, но преисполнено естественными богатствами, и все доступно тебе по силе твоей и знанию. Используй их, и ты создашь вокруг себя желанное изобилие. Наука делает тебя повелителем стихий, а в библиотеке, данной в твое распоряжение, ты найдешь все нужное, чтобы увеличить свои силы и расширить познания.

Учись, но не спеши, потому что торопливость указывает лишь на несовершенство. Если будешь работать, то не заметишь времени и не познаешь скуки, которая служит ужасным бичом

для лентяев и корнем всяких преступлений. Кто работает, тот пожирает время. Ты знаешь, что для мысли не существует расстояния; значит, твой призыв всегда дойдет до нас, а потому ни в совете, ни в поддержке у тебя не будет недостатка». Далее следовали наставления относительно дневника, который я обязан был вести, чтобы отмечать в нем ход моих работ и постепенного развития планеты.

Несмотря, однако, на успокоение Великого иерофанта, мне было невыразимо грустно, и я чувствовал себя разбитым. Совершив омовение, я вышел взглянуть на окружающую меня местность.

Но едва я сделал несколько шагов от пещеры, как замер в ужасе. Убежище мое оказалось вырытым искусственно или самой природой в глыбе черных голых скал, одиноко возвышавшихся посреди обширной отовсюду окружавшей их равнины.

Вдаль, насколько хватало глаз, тянулись огромные болота, откуда поднимались облака пара, а местами били фонтаны горячей, по-видимому, воды, выбрасывавшей камни на значительную высоту.

Воздух был тяжел и густ, насыщен серными испарениями, серый туман заволакивал небо, пропуская лишь бледный дневной свет и скрывая горизонт лиловой дымкой.

Я уже прошел научное испытание оплодотворения пустынной и бесплодной местности; но в сравнении с тем, что я видел перед собой, все это было детской забавой. И сердце мое мучительно сжалось...

Среди болотистых пустынь, где не виднелось даже ни клочка мха, я был одинок; мне одному предстояло бороться с этой отвратительной природой, в раздражавшем нервы сумраке и душившей меня до потери сознания атмосфере.

Чуть не бегом вернулся я в пещеру и опустился на землю.

Голова кружилась, сердце учащенно билось так, что едва можно было дышать, и я подумал уже, что умираю, да вспомнил о своем бессмертии и пришел в полное отчаяние. Возложенная на меня задача казалась выше моих сил, а жизнь здесь представлялась бесконечной агонией, потому что умереть я не мог.

Словом, было очень тяжело. Я переживал один из самых мучительных часов моей жизни, как вдруг, целительным бальзамом в ушах раздался шепот дружески ободряющего и ласкового голоса:

– Опомнись, Удея! Молись, и найдешь силы все выполнить.

Я вздрогнул и приподнялся. Значит, я не один; было существо, которое думало об отверженном и поддерживало его. А верный друг был прав: прежде чем приняться за исполинскую работу, следовало очистить себя и подкрепиться молитвой.

Я стряхнул с себя оцепенение, облекся в белое одеяние, а затем начал молиться и петь магические гимны под звуки хрустальной арфы. Скоро меня объял молитвенный восторг, звуки инструмента становились все могучее, атмосфера дрожала и волновалась, пещера моя наполнилась светом, а в чаше появилась пурпурная эссенция, от которой валил пар. Я выпил, и таинственная влага огненным потоком разлилась по всему моему существу, придав мне чудодейственную силу. Никогда не чувствовал я себя таким крепким, никогда так легко не работал мой мозг и никогда столь отчетливо не представлялось мне мое знание.

Снова вышел я из пещеры; но на этот раз окружающая меня грустная картина природы уже не внушала ни страха, ни отвращения: я видел в ней лишь поле для труда.

Не теряя времени, принялся я за работу. Прежде всего вызвал я флюидических исполинов стихий – разумные силы огня и воздуха, воды и земли, – и эти покоренные моей волей и знанием труженики, тесно примкнув ко мне, как четыре светлых луча, стали моими помощниками и служителями.

Часто гремел вокруг меня хаос разъяренных стихий; но при виде того, как полчища астральных работников покорно подчинялись моим приказаниям, исчезал всякий страх, энергия

моя усиливалась, а возбуждение доходило до того, что я не чувствовал ни малейшей усталости. В тот день, когда труды мои увенчались первым успехом, когда вредоносные испарения рассеялись и показался кусочек голубого неба, а царственное светило озарило все своими живительными лучами, я упал на колени, и из сердца моего полилась горячая благодарственная молитва к Неизреченному Существо, Творцу всех этих чудес.

Как естественно и понятно стремление первобытных народов обожеествлять солнце; они инстинктивно чувствуют, что из него бьет источник жизни.

С помощью этого могучего пособника я и продолжал работу. Под влиянием его огненных лучей из земли поднялось мощное дыхание, болота исчезли, быстро материализовались отпечатки земной ауры, хранящие в себе вещества, из которых образуются видимые формы, и почва покрылась пышной растительностью.

Любуясь восхитительными картинами, вызванными моим трудом и знаниями, я испытывал удовлетворение человека, исполнившего свой долг. Но я был один, всегда один... Порою душу угнетала тоска по родине, мучила почти болезненная жажда услышать человеческий голос вместе с душевной усталостью и невыразимой словами потребностью отдыха. В такие-то тяжелые минуты меня никогда не покидала дружба Эбрамара, и благодатное забытье смежало мои усталые глаза. Тогда я видел своего друга, его горячая, светлая рука опускалась на мое чело, его глаза с любовью смотрели на меня, и я чувствовал, как все существо мое проникалось живительной теплотой, совсем иной, чем обычно действующая сил природы. Я чувствовал потоком изливавшуюся на меня любовь. Недаром любовь дает счастье, ибо представляет она совершенно особенную субстанцию такой силы, что влияет даже на посвященного.

Однажды, когда у меня было подобное же видение, Эбрамар сказал мне:

– Накинь плащ, Удеа, возьми дорожный посох и арфу, иди прямо и найдешь нечто приятное для тебя.

Он улыбнулся, крепко пожал мою руку и... я открыл глаза.

Горячо помолясь, забрал я указанные предметы, прихватил немного пищи и вышел из пещеры, где так много страдал и работал. Дорога казалась мне бесконечной; я прошел сначала земли, бывшие моим духовным достоянием, а потом началась невиданная страна с восхитительной растительностью и исполинскими животными необыкновенных и странных видов; но животные бежали от меня, чувствуя особый, странный, присущий нам аромат.

Наконец я добрался до широкой реки. С моей стороны спуск был пологий; другой же берег представлялся каменистым и слегка поднимался террасами, а наверху окаймлен был темной полосой леса.

Крик птицы и шумное хлопанье крыльев привлекли мое внимание. Я увидел большого белого феникса; в длинном хвосте и крыльях белые перья перемешаны были с бирюзово-голубыми, а умную голову украшал золотистый хохолок.

Я вздрогнул и обрадовался, узнав мифическую птицу – крылатого посланца магов. Увидав, что красивое пернатое побежало вдоль берега, я последовал за ним и вскоре заметил огромное дерево, лежавшее поперек реки и образовавшее мост, по которому я тотчас перешел на другую сторону.

Крылатый проводник мой ждал меня и побежал к лесу, оборачиваясь иногда, словно удостовераясь, следую ли я за ним. Вступив в лесную чащу, я с удовольствием увидел, что мы идем по тропинке, вившейся между стволами столетних великанов; огромные ветви их переплелись и образовали купол, чрез который едва сквозил зеленоватый полусвет.

Пройдя более часа, мы вышли на обширную прогалину, и тут я вскрикнул от удивления. Передо мною стоял хорошо знакомый огромный сфинкс; только вместо красноватой окраски, как было на Земле, он был, как снег. На клафте, покрывавшем его голову, сверкал ослепительный изумрудного цвета свет, а в ногах была высокая каменная, с каббалистическими знаками и инкрустацией плита, закрывавшая вход, в ту же минуту сдвинутая в сторону. Изнутри струился

яркий свет. Тут мой пернатый красавец издал веселый клёкот, взмахнул крыльями и улетел, а я продолжал стоять в нерешительности.

Вдруг на пороге входа показался человек высокого роста в длинном белом одеянии, с золотым, блестящим нагрудным знаком; голову его украшал клафт. Не могу выразить то чувство счастья, которое я испытал при виде его. Я не был в состоянии выговорить ни слова, потому что судорога сдавила мне горло; я бросился к незнакомцу и упал на колени. Но меня тотчас же подняла твердая рука, и глубокий гармоничный голос произнес:

– Удеа, сын мой, разве ты не узнаешь меня?

Все еще дрожа, взглянул я на него и теперь узнал в нем одного из великих иерофантов, Нараду, которого я глубоко уважал за огромную ученость и доброту.

– Учитель! – воскликнул я, целуя его руку. – Каким образом ты здесь?

– Иди, и мы побеседуем, – ответил он, ведя меня по коридору, освещенному фосфорическими шарами.

Дальше мы вошли в маленькую комнату, обставленную с такими удобствами, которых я давно не знал. Он усадил меня и дружески сказал:

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.